

0-753958

На правах рукописи

БАХТИКИРЕЕВА Улданай Максатовна

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ
И ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

**Москва
2005**

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Научный консультант:

академик РАН,
доктор филологических наук,
профессор Шаклеин Виктор Михайлович

Официальные оппоненты:

член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук,
профессор Воротников Юрий Леонидович

доктор филологических наук,
профессор Маркелова Татьяна Викторовна

доктор филологических наук,
профессор Хухуни Георгий Теймуразович

Ведущая организация:

Институт языкознания РАН

Защита состоится 28 октября 2005 года в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.203.12
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, зал №1

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов

Автореферат разослан «10» сентября 2005 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000203869

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Н.Ю. Нелюбова'.

Н.Ю. Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изменение мировоззрения в конце XX – начале XXI вв. обусловило уход определенной культурно-советской универсальности в прошлое. Для процессов структурирования нового геополитического пространства на рубеже веков характерно появление в русской и сопряженных с ней на основе ее языка национальных культурах новых реалий, в том числе негативных. В первую очередь удар пришелся по русскому языку¹. Как следствие рельефно обозначились «старые»: «русскоязычный писатель», «национальные литературы на русском языке», «многонациональная литература», но, уже деля объединенную одной языковой культурой общность на «этнодома» (Ч. Гусейнов). Они приобрели особую актуальность и остаются предметом дискуссий и споров, поскольку становление каждого нового государства идет параллельно с возрождением языковой культуры, как ведущим критерием нации. Соединение истории с лингвистикой в новой исторической данности стало объективным, что обусловило возможность историко-лингвистического анализа процессов, характерных для единой в XX в. общности, в частности – *русско-национального коммуникативного двуязычия/билингвизма*.

Среди связанных с данным процессом проблем особое место занимает художественный билингвизм² – предмет эмоционального и заинтересованного обсуждения и ученых, и носителей обеих языковых культур. При этом художественный текст (далее – текст), обусловленный билингвальным творческим сознанием (это касается русских текстов авторов-билингвов, которых можно объединить в одну типологическую общность как русскоязычных), до сих пор остается одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов³. Это связано, прежде всего, с тем, что в лингвистике нет явного разделения коллективного и индивидуального – творческого билингвизма. Способ же объяснения такого типа русских текстов базировался, в основном, на анализе иноязычных слов, не связанном с речемыслительной деятельностью творческого билингвального индивида и закономерностями развития и взаимодействия различных языков и культур. Игнорирование особой функции русской языковой культуры как коммуникативной ценности для описания «чужой» – внешней по отношению к ней картины мира, не четкое соотнесение данного типа текстов с какой-либо культурой и признание в лингвистике принятого подхода, вели к отказу от их лингвистического анализа. Под таким углом зрения они вообще переставали

¹ Поэт, писатель, лингвист, посол и председатель русскофонной группы стран-участниц Ген. Конференции ЮНЕСКО характеризует данные русскому языку сравнения как «поспешные патриотические определения начала 90-х», тем не менее, звучали они не иначе как «язык колонизаторов» и «оккупантов». См.: *Сулейменова О.О.* Нам по дороге// Родина. –М., 2004. Вып. №2. С.21.

² «Как быть с этим, самым таинственным в литературе процессом – соприкосновения писателя, работающего внутри своего этнического мира, с другим языком?». См.: *Т. Гостия*. После. –М., 1995: Русский человек на randevу–М. 1996 (О романе А. Макина «Французское завещание»).

³ Литературный билингвизм всегда остается «на втором плане». См.: *Маршине А.* Распространение языка и структурная лингвистика// Зарубежная лингвистика. Вып. 3. 1999.

быть объектом изучения лингвистов, что практически снимало с повестки дня вопрос о его исследовании и описании.

Современная лингвистика и лингводидактика⁴, оперируя понятием «языковая личность», приближаются к решению комплекса вопросов, входящих в понятие «билингвальная личность», в том числе к вопросу способа конструирования и описания действительности языковой личностью, чья речевая деятельность обусловлена взаимодействием двух языковых культур. Подходя к билингвальному обучению с культурологических позиций, ученые основываются на положении о том, что «всякая культура нового времени – это открытая система. Если она закрыта, этнос обречен», «любые формы этноцентризма только тормоз на пути к диалогу с миром»⁵. Проблемы коммуникативного коллективного билингвизма в обучении становятся все более актуальными в современной методике РКИ, поскольку потребность в квалифицированном владении русским языком остается одним из неотъемлемых условий дальнейшего существования, а старые подходы перестают отвечать мотивационным предпосылкам учащихся в полной мере.

Смена типов культурно-цивилизационного развития обусловила лавинообразный поток исследований, направленный на осмысление новых реалий в культуре, поиск приемлемых путей возрождения национальных языков, воспитание поликультурной личности, на осмысление, разработку и внедрение в образовательный процесс новых интегрированных систем. В этом контексте особую важность приобретает лингвокультурология. Она способствует *«постановке и решению насущных общественно-политических задач»*, в которой осуществляется *«комплексное изучение лингвистических и культурологических проблем, а также общетеоретическое исследование закономерностей развития языка и культуры. Это направление становится одним из приоритетных в деятельности Российской академии наук»* (Ю.С. Осипов 2003). В область этого «актуального и перспективного направления в русском и общем языкознании» (В.П. Нерознак 1997) входят «в том числе и те вопросы, которые принято было относить к социолингвистике и этнолингвистике» (В.А. Виноградов 2003).

Однако лингвокультурология в ее современном понимании оставляет «в тени» важную функцию русской языковой культуры – быть одной из форм выражения иной культуры, хотя такой тезис в 80-90-е гг. XX в. выдвигался в рамках лингвострановедения. Все это позволяет сделать вывод о том, что общество находится в процессе кардинального переосмысления образовательной парадигмы. В новых условиях развития русской и сопряженных с ней на основе русского языка национальных культур любая попытка ограничиться принятым формальным подходом делает анализ таких текстов в лингвистике неэффективным. Осмысление и описание творческого билингвизма может

⁴ Связь языка и культуры особенно активно в последние годы стала разрабатываться в лингводидактическом плане. *Исаев М.И.* Актуальные аспекты рассмотрения комплексной проблемы «Язык и культура»// Материалы II международной научной конференции «Язык и культура». -М., 2003. С. 24.

⁵ *Есиджанян Б.М.* К проблеме определения понятий «билингвизм» и «билингвальное обучение»// Мир русского слова. №4, 2003; *А. Кодар.* Выход в открытый космос// Тамыр №2(10), 2003.

послужить базой для осмысления коммуникативного билингвизма и в его коллективном проявлении, жизнеутверждающей основе изменять окружающую действительность, в его нравственном, эстетико-философском смысле. Насколько велика функция художественного образа, созданных авторами, чье творчество обусловлено взаимодействием двух языковых культур, в историческом процессе? Какова их составляющая в осуществлении связи времен и предоставлении возможности той или иной культурно-исторической общности жить осознанно и достойно?

Необычайно перспективной представляется для разноаспектных исследований в языкознании и, прежде всего, в лингвокультурологии, проблема создания интериоризированных образов в российско-центральноазиатском, российско-кавказском, российско-среднеазиатском и др. пограничьях, а также проблема изучения лингвокультурной ситуации в российско-национальных лимитрофных зонах. Каким образом внешняя социальная форма общения между этносами в результате интериоризации может способствовать формированию билингвальной личности? Появление (по Ю.М. Лотману - «выброс») культурного текста билингвального автора в XX в. и в настоящее время может являться результатом – ответом на особую историческую ситуацию в прошлом.

Основная идея диссертационного исследования заключается в постановке проблемы особых свойств обусловленного творческим билингвальным сознанием текста, в котором описывается национальный образ «первичной» культуры средствами «вторичной» языковой культуры, что выводит на познание природы билингвальной личности через ее приобретенный - русский язык и неисчерпаемых возможностей языка. Причем речь идет о языке, выражающим через свою систему речевых знаков значения, которые присущи иному языку. Но нельзя познать язык, «не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (Ю.Н. Караулов 1987).

Сама идея исследования была обозначена Г.П. Мельниковым (1995), отметившим особенность русского текста Ч. Айтматова. Ученый указывает на то, что писатель пишет «о тюркском образе, следовательно, как носитель тюркского языка и культуры, он должен отображать присущие тюркской языковой культуре образы, а в то же время пишет на русском языке, который хорошо приспособлен для выражения содержания» индоевропейских образов. Каким образом разрешается данная коллизия?».

Актуальность направления исследования *вытекает* из противоречия между объективной потребностью в раскрытии феномена художественного билингвизма и обусловленных речемыслительной деятельностью творческой билингвальной личности особенностей текста в теории и практике современного образования и недостаточной их разработанностью в лингвистической науке. Задача лингвистического обоснования исследуемого объекта, его особенностей, причин и условий возникновения *определяется* необходимостью разработки его описания как *особого вида речевой деятельности билингвальной личности* и созданием специального методологического конструкта - выделением и обоснованием теоретических основ для лингвокультурологического анализа

русского текста, в котором речевыми средствами русской языковой культуры создан художественный образ «первичной» культуры.

Основанный на теории деятельности психологической школы Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева и достижениях современной когнитивной лингвистики «деятельностно-когнитивный» взгляд на язык определил специфику и основное достижение современного этапа развития лингвистической науки. В лингвистике окончательно осознан тот факт, что процесс порождения текста - это особый вид речемыслительной деятельности, со своими целями и средствами, с присущей ей технологией. Рассмотрение билингвизма в творчестве как продукта речемыслительной деятельности неизбежно перемещает центр нашего внимания с этапа передачи (записи) текст на этап его создания, а значит, делает объектом лингвистического анализа не только чисто языковой, но и когнитивный аспект: творческое билингвальное сознание. При таком подходе резко увеличивается опасность выхода за пределы собственно лингвистического исследования, тогда как исследование психологических механизмов творческого сознания лежит вне пределов лингвокультурологии. Однако для реализации находящейся на стыке наук темы недостаточно опорных данных, почерпнутых только из классической теоретической лингвистики.

Пограничный характер требует дополнительных построений, порождаемых новизной предмета. В этом смысле для создания теоретических основ по изучению данного типа текстов с лингвистических позиций трудно переоценить достижения по семиотике и типологии культуры тартуско-московской семиотической школы. Осмысление текста как культурной функции предоставляет возможность вывести рассматриваемую тему из когнитивной и культурологической плоскости в лингвокультурологическую путем осмысления реальности через ее условные и упрощенные знаковые модели и описания сложных систем и процессов простым и очевидным способом. Такой подход не противоречит положению о том, что «специалисты разных областей» приходят к «необходимости изучения языковой личности как целостного феномена, как фактора, интегрирующего разрозненные ... результаты исследовательской практики, вводящего их в русло единой лингвистической парадигмы» (Ю.Н. Караулов).

Особое место среди проблем, связанных с речемыслительной деятельностью, занимает вопрос о том, как с помощью восприятия какого-либо явления и поиска хранящейся информации о нем происходит синтез смысла, без которого не может появиться текст. Об этом виде особой психической ментальной деятельности, имеющим свою технологию и свои нормы, нам пока известно немного. Когда же мы рассматриваем речемыслительную деятельность билингвального индивида, перед нами встает задача более сложная. Однако без моделирования этого процесса невозможен сколь-нибудь полный лингвистический анализ обусловленных данной деятельностью текстов, осмысление процесса их создания и передачи. Поэтому в работе (3.1., 3.2.) представлена та «рабочая» модель процесса порождения текста билингвальной личностью, которая сложилась у автора на основе имеющихся в гуманитарных науках данных.

В настоящее время предпринимаются попытки переосмысления значения литературы второй половины XX в., роли и функции как созданных писателями художественных образов, так и самих писателей в историческом процессе, в частности – билингвов. Именно в этот период русская языковая культура сыграла свою историческую роль на огромном географическом пространстве, способствуя ознакомлению и взаимодействию разных культур⁶. Осмысление условий и причин появления русскоязычных авторов как результата данного взаимодействия обусловило введение в первую главу работы параграфов 1.4; 1.5.

Если передача текста русского писателя – область достаточно изученная, легко регламентируемая литературной нормой и легко осознаваемая носителями языка, то передача русского текста не русским писателем нередко относят к отступлениям от нормы. Поэтому их так трудно изучать и описывать. Адресат, даже лингвист, во многих случаях хотел бы рационально объяснить: почему писатель, «не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские ... и мы (русские) приобщаемся к образности, переживаниям и мироощущению» другого народа (Г.П. Мельников) и почему такой текст является оптимальным и более адекватным в ситуации активного двуязычия. Но наши субъективные оценки имеют объективную основу. Задача лингвистики выявить эту основу, научиться работать с ней и описывать ее.

Цель исследования – создание теоретической базы и практического описания феномена художественного билингвизма, отраженного в тексте русскоязычного писателя тюркских этносов второй половины XX в., с лингвокультурологических позиций.

Объект исследования – феномен художественного билингвизма, воплощенный в русском тексте творческой билингвальной личности, в его взаимообусловленности с русско-национальным двуязычием как историко-лингвокультурной универсальностью.

Гипотеза исследования: Художественный билингвизм – это особый вид речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности, которая путем усвоения способов осмысления действительности, выработанных предшествующими поколениями первичной и вторичной культур, получает доступ к достижениям общественного сознания обеих и способам их выражения/описания двумя языковыми системами. Обусловленные речевой деятельностью билингвального автора тексты, создающие художественный образ первичной культуры на языке приобретенной, имеют свои особенности и кодируются в сознании носителей обоих языков как «необычные».

Цель и гипотеза исследования обусловили необходимость решения ряда исследовательских задач:

- определить уровень разработанности исследуемых проблем в лингвокультурологии;

⁶ «Скажем прямо: не было бы русской литературы – не было бы и современной кавказской, киргизской, туркменской, каракалпакской и многих других литератур». *Айтчитю Ч.Т.* В соавторстве с землей и водой. – Фрунзе, 1978. С. 340;

См. также: *Лейдерман Н.Л.* Спасать литературу – спастись литературой (о статусе предмета «Литература» в российской школе)// Мир русского слова №3 (11), 2002. С. 58–66.

- раскрыть содержание понятия «русскоязычный писатель», причины его становления в их обусловленности историко-лингвокультурной универсальностью XX в. – активным двуязычием;
- на основе теоретических положений, существующих в смежных науках, выделить и обосновать лингвокультурологический аспект изучения текстов, обусловленных механизмом речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности при создании и передачи образа «первичной» культуры на языке приобретенной;
- проанализировать специфику авторского перевода билингвального автора с родного на русский язык;
- рассмотреть влияние внутренней детерминанты национального языка на русский при создании билингвальным автором русского текста;
- доказать, что отличительным свойством русского текста не русского автора от текста русского являются «качества-стимуляторы» - продукт речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности, воспринимаемые носителем русского языка как «отклонения» от нормы;
- на основе проведенного анализа определить соотношенность текстов, обусловленных взаимодействием двух языковых культур, с русской и национальными культурами;
- доказать важную роль русского языка, литературы и, шире – культуры в развитии сопряженных с ней «младописьменных» культур;
- показать, что опыт овладения индивидом двумя языковыми культурами может быть действенным инструментом для формирования би- и полилингвальной личности в современной лингводидактике.

Методологической основой исследования является синтез – обобщение достижений классической теоретической лингвистики, прежде всего, *системно-типологической теории языковой детерминанты* Г.П. Мельникова, *лингвокультурологической теории художественного текста* В.М. Шаكلةина (направленной на осуществление качественно нового подхода к тексту как к явлению определенной лингвокультуры), в сочетании с *культурологическим* (пониманием творческого сознания, акта коммуникации в семиотическом аспекте, теории взаимодействия литератур и культур Ю.М. Лотмана), *литературоведческим* (посвященные творчеству билингвальных авторов, ускоренному развитию «младописьменных» литератур труды Г.Д. Гачева), *эстетико-философским* (концепция М.М. Бахтина о двух формах познавательной активности: монологической и диалогической) и *геополитическим* циклами гуманитарного знания. Методическую стратегию исследования определяет также накопленный в отечественной и зарубежной филологической науке опыт по изучению *билингвизма в творчестве*: М.С. Азизов, А.А. Акматалиев, М.А. Алексеев, Ю.Я. Барабаш, К. Балеевских, В.Г. Белинский, Г.Г. Гамзатов, И.Г. Васильева, Ш. Джолдошева, А. Дима, И.Г. Иванова, Н.А. Купина, А.С. Карпов, З. Кедрина, В.Г. Левченко, Н.Л. Лейдерман, Ш. Мазанаев, Н.Г. Михайловская, М.В. Орешкина, В. Оскоцкий, С.Ю. Преображенский, Ж.М. Рыскулова, Т. Толстая и др.; работы ученых по проблемам *коллективного билингвизма*: Е.М. Верещагин, Л.С. Выготский, Л.В. Щерба, Б.М. Есаджаниян и др.

В качестве частных методик использован *метод аналогии* как один из научных методов познания, метод лингвистического описания и лингвистического эксперимента. В качестве метода исследования к работе привлекается непосредственное общение с билингвальными авторами, казахстанскими языковедами, изучение и обобщение педагогического опыта в целях выявления трудностей, возникающих у студентов в процессе овладения иной языковой культурой. Опора на труды ученых, соотнесение теоретических положений и практического опыта билингвов (В.В. Набокова о Н.В. Гоголе, Ч. Айтматова, О. Сулейменова, А. Кодара и др.) определило стратегию исследования по избранной проблематике и позволило подойти к исследуемой проблеме в соответствии с концепцией междисциплинарного решения актуальной проблемы – проблемы отношения к языку как к системе, моделирующей окружающий мир в сознании отдельного человека, в сознании этноса, субэтноса и составляющих его социальных групп.

Выбор материала для исследования обусловлен поставленными целью и задачами. Поскольку в центре внимания стоят вопросы художественного билингвизма русскоязычных, но не русских по происхождению писателей и воплощение его в тексте, их связь с процессами в культуре, привлекался материал, исследующий языковой материал художественных текстов. Выбор авторов не случаен. Исследуемые особенности взаимодействия языковых культур ярко отражены в текстах Ч. Айтматова, О. Сулейменова, А. Кодара. В настоящем исследовании проблема сужается до русско-казахского и русско-киргизского двуязычия. Поиск аналогий вызвано обращение к опыту и других авторов, получивших известность своим творчеством на русском языке. Работа иллюстрируется материалом из публицистических, художественных и научных текстов.

Научная новизна результатов исследования имеет, в первую очередь, методологический характер и определяется новым ракурсом изучения объекта: лингвокультурология. Билингвизм, отраженный в художественном тексте, исследуется в его обусловленности историко-лингвокультурной универсальностью – русско-национальным двуязычием и общекультурными процессами. Впервые объект изучается в данном аспекте с анализом его основных периодов в развитии двух культур, прослеживается его динамика в XIX-XX вв. В работе *определяется* понятие «русскоязычный писатель», *описываются* условия и причины их возникновения; *раскрывается* механизм творческого процесса билингвальной личности по созданию образа первичной культуры на языке приобретенной; *анализируются* особенности, т.е. качества-стимуляторы, созданного им текста; *анализируется* влияние внутренней детерминанты языков агглютинативного типа на язык флективного типа в творческом процессе билингвального автора тюркского происхождения; *выделяется и описывается* тенденция развития и расширения возможностей русского языка посредством исследуемого типа текстов; *доказывается* историческое значение русского языковой культуры в развитии других культур, *определяется* место исследуемого типа текстов и роль их авторов в русской и национальной культурах.

Теоретическая значимость исследования определяется характером решения лингвистических проблем, связанных с явлением художественного билингвизма и особенностями его воплощения в русском тексте. Исследование выявило закономерность появления особых качеств в русском тексте автора-билингва при описании им национального образа, наиболее ценных как стимуляторы для его адекватного восприятия носителями русского языка. Такое взаимодействие языков и культур позволяет выявить влияние внутренней детерминанты первичной языковой культуры на приобретенный язык, что существенно расширяет проблемное поле отечественного языкознания и может послужить основой для дальнейшей разработки связанных с феноменом билингвизма проблем. Теоретическое осмысление художественного билингвизма является необходимым условием для формирования «вторичной» языковой личности в пределах постсоветской макросистемы, где изучение русского языка остается неперенным условием реализации индивида как личности.

Главной теоретической ценностью исследования является возможность объяснения способа создания и передачи билингвальной личностью первичной картины мира речевыми средствами вторичной языковой культуры, что открывает перспективы для практического описания возможностей русского языка в отражении системы значений существующих типов языков и культур. Разработка направления - *русско-национальный художественный билингвизм* органично дополняет изучение русского языка в рамках его культурного и социально-коммуникативного распространения через билингвальные языковые ситуации, способствует нахождению отличий в последних механизмах языковых изменений от действующих в моноязычных ситуациях, через деятельность «вторичной» языковой личности способствует сохранению/ *витальности русского языка как лингвистического капитала.*

Практическая значимость. Результаты диссертационной работы и представленный в ней материал могут найти практическое применение в реальной возможности лингвистического анализа и практического описания широкого круга (малоизученного) взаимодействия национальных и русской языковых культур в той уникальной русско-национальной билингвальной ситуации прошлого столетия, которая во многом будет определять будущее взаимодействие языков и культур на постсоветском пространстве. Главной практической ценностью исследования является возможность лингвистического анализа текста автора, создающего художественный образ первичной культуры на языке приобретенной, что способствует пониманию отличий между художественным/индивидуальным и коллективным билингвизмом, выработке подходов в решении проблемы, связанной с формированием би- и полилингвальной личности. Практическая значимость материалов исследования заключается в возможности их использования в вузовских общих курсах по общему языкознанию, русскому языку, сопоставительной лингвоконцептологии, контрастивной лингвистике, в специальных курсах по лингвокультурологии, активным процессам в лексике русского языка, теории и практике перевода, а также в литературоведении, истории русского языка и литературы советского периода, культурологии.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены и докладывались на 22 научных конференциях (см. 36-38 стр. автореферата): I-ой международной научной конференции «Языки и транснациональные проблемы»; международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном пространстве»; II и III международной научной конференции «Язык и Культура»; международной конференции «Молодые ученые – науке, технологиям и профессиональному образованию для устойчивого развития: Проблемы и новые решения»; международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства» и других (Москва); международной научной конференции «Современная филология в международном пространстве языка и культуры» (Астрахань); XI-ой всероссийской научно-методической конференции «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург); VIII международной конференции Ахановские чтения «Диалог языков и культур» в Казахском национальном университете им. аль-Фараби (Алматы); XIII международной научной конференции «Язык и Культура» им. проф. Сергея Бурого (Украина, Киев); III международной научной конференции «Национально-культурный компонент в тексте и языке» под эгидой МАПРЯЛ (Белоруссия, Минск).

Результаты исследования обсуждались на методических семинарах и курсах повышения квалификации преподавателей - русистов и языковедов средней и высшей школы в Казахстане (2003-2005 гг.): Акмолинской, Павлодарской, Кызылординской областей, в Павлодарском государственном университете, Евразийском университете им. Л.Н. Гумилева (Астана) и реализовываются в рамках лингвистического проекта «Проблемы и перспективы формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства» (с 2002 г.). Работа была обсуждена на заседании кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов (октябрь 2004).

Основные материалы исследований по теме диссертации отражены в 34 публикациях, в том числе – монографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Как государствообразующий и язык межнационального общения русский язык в XX в. обусловил функционирование историко-лингвокультурной универсальности - *русско-национальное двуязычие*. Данная ситуация как обязательное условие коммуникации стало основой для возникновения в культурах разных народов русских текстов не русских по происхождению авторов и понятия «русскоязычный писатель».
2. Тексты билингвальных авторов на родном и русском языках, их авторские переводы с родного языка на русский доказывают постижение ими способа осмысления и описания действительности первичной и вторичной/русской языковыми культурами. Билингвальный автор при описании объекта первичной

культуры на языке вторичной (субъект 2), находится в процессе акта коммуникации (диалога) с первичной языковой личностью (субъект 1).

4. Введение в исследовательскую парадигму работы понятия *способ описания русскоязычным писателем художественного образа первичной культуры на языке вторичной культуры* позволило установить, что: 1) художественное освоение действительности билингвальным индивидом (его речетворческая деятельность) в отличие от монолингвального проходит в иных условиях; 2) отличительным свойством его русских текстов от текстов русских писателей при описании одного того же объекта являются особые качества - продукт взаимодействия двух языковых культур в одной личности, нередко воспринимаемые носителем русского языка как *отклонения* от норм литературного языка.

5. Эти *отклонения* находят свое объяснение через осмысление своеобразия внутренней формы языка, накладывающего отпечаток на своеобразие языковых единиц всех уровней, т.е. «внутренней детерминанты» языков. Создание киргизского, казахского национального образа на русском языке диктует двуязычному автору использовать способ описания, в котором зафиксирован итоговый результат процесса осмысления действительности русской культурой, со свойственной ей *событийной* детерминантой, т.е. «заранее заготовленными и узуально закрепленными за определенными смыслами словоформами, из которых никакой морфемы не выкинешь», как это делает носитель русского языка. Типовой способ осмысления действительности, заключенный во внутренней форме тюркских языков с их *качественно-признаковой* детерминантой, требует, чтобы словоформа собиралась «из корневой морфемы и служебных морфем для данного конкретного случая» (Г.П. Мельников 2003). В силу различных способов выражения данных типов языков билингвальный автор при передаче образа национальной культуры создает *не стандартные* средства выражения, прибегает к «эксплуатации» тех возможностей русского языка, которые для этого наиболее приспособлены.

6. Такие качества текста «стимулируют» внимание читателя, владеющего знаниями (литературная норма) о том, что стандартно и типично для его языковой культуры. В имплицитном виде - в виде языкового чутья эти знания содержатся в сознании каждого носителя языка и позволяют ему оценивать любой текст с точки зрения того, насколько соответствует использованный в нем вариант способу описания подобного смысла писателем, принадлежащим к его языковой культуре. Если при чтении русского текста автора-билингва такого соответствия не наблюдается, то в сознании воспринимающего/русского появляется оценочная реакция типа: «Русский так не пишет...». Однако вместе с тем данные качества текста предоставляют ему возможность расширить диапазон своего существования (В. Гумбольдт), приобщиться к образности и переживаниям, который есть у тюрков (Г.П. Мельников).

7. Наличие в русской языковой культуре такого способа описания свидетельствует о высокой степени ее кодируемости, указывает на ее коммуникативную ценность, доказывает ее неоценимую роль в развитии сопряженных с ней национальных культур.

8. Появлению текстов билингвальных личностей предшествует изменение мировоззрения и следующее за ним образование нового культурно-языкового пространства. Овладение иным языком (иноязычие) открывает доступ к последующему уровню культурно-цивилизационного развития общества. Вариант межкультурной коммуникации, представленный в текстах билингвальных авторов, объединяет два «центра-сознания», что позволяет воспринимать их как структурное целое и определить их как *интегрированные*, представляющие ценность для развития обеих культур.

9. На современном этапе развития лингвистики и лингводидактики проблемы коммуникативного билингвизма (при введении в сознание обучаемого второго языка, формировании «вторичной» языковой личности) могут находить свое решение и при изучении особенностей процесса создания и передачи текста творческой билингвальной личностью.

Структура исследования. Цель и задачи исследования определили композицию работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объект, предмет, цели, задачи, материал и методы исследования, формулируется рабочая гипотеза, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Историко-лингвокультурологические предпосылки для изучения особенностей творческого процесса билингвальной личности национального русскоязычного писателя (вторая половина XX века).

Уходящий корнями в древнюю античность феномен билингвизма, свидетельствует о закономерности появления би-/полилингвальных авторов в истории мировой культуры⁷. Очевидно, что творчество на двух/более языках активизируется при смене мировоззрения и в ходе формирования новой исторической общности с характерной для нее *историко-лингвокультурной универсальностью*, определяемой в данной работе как *определенный исторический период взаимодействия двух и более культур, в котором языком межкультурной коммуникации является язык наиболее развитой к тому времени письменной культуры*. Это характерно структурированию католической Западной и православной Восточной Европы, Центральной и Средней Азии, когда мусульманский мир наращивал свой территориальный императив и позже, когда в 20-х годах XX в. сформировалась сплошная культурно-историческая

⁷ Геродот считал скифов (VII в. до н.э.) полиязычным народом: «Царя скифов, объезжавшего страну, всегда сопровождали переводчики». Сулейменов О.О. Тюрки в доистории//АС АЛАН. №3(8), 2002; В «Филологическом трактате» (Спор о двух языках» 1499) владевший арабским, фарси и тюркским языками ученый, поэт и переводчик *Алишер Навои* писал: «И с годами я проник в суть языка тюркского, в правила и основы стихосложения его, кои были неведомы мне дотеле, и превозмог затруднения мои на стезе предавшегося разрешения трудностей, и я обрел великие преимущества и узрел высшие совершенства» (Int.Res.).

область, включающая в себя Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Прибалтику (Латвию, Литву, Эстонию), Закавказье (Азербайджан, Армения), Центральную Азию (Казахстан, Киргизия) и Среднюю Азию (Таджикистан, Туркмения, Узбекистан). Наиболее к тому времени письменно развитый и государствообразующий русский язык определил тенденции литературного подъема на этом пространстве, вовлекая соседние культуры и давая мощный толчок их развитию. Разница в функционировании между национальными и русским языками. обязательность знания русского языка, появление билингвальных личностей, рождение литератур на национальных языках свидетельствовало о возникновении структуры нового государства. Русский язык перестал совпадать только с русской языковой культурой⁸ как в «геолингвистическом», так и «культурно-духовном пространстве»⁹.

Развитие русской и сопряженных с ней на основе русского языка национальных культур требовало новых способов описания объектов в новых условиях коммуникации и выдвигало «посредников», создававших образ своей культуры на русском языке, что способствовало ее адекватному восприятию носителями русской языковой культуры. Единая культурно-историческая общность в XX в. стала оперировать устойчивым понятием - «русскоязычный писатель». О чем свидетельствует творчество киргизов Чингиза Айтматова, Мара Байджиева, Шербото Токомбаева; абхазца Фазиля Искандера; казахов Олжаса Сулейменова, Аскара Сулейменова, Ануара Алимжанова, Ауезхана Кодара; чукчи Юрия Рэтхзу; украинца Виталия Коротича, осетинки Езетхан Ураймаговой, белорусов Василя Быкова, Алеся Адамовича; узбеков Тимура Пулатова, Учкун Назарова, карачаевцев Халмат Байрамуковой, Муссы Батчаева; балкарца Кайсына Кулиева; таджика Тимура Зульфнкарова; лакца Эфенди Капиева; ненки Анны Неркаги; грузинов Нодара Думбадзе, Александра Эбаноидзе, Чабуа Амиреджиби; молдованна Иона Друцэ; чуваша Геннадия Айги; нянайца Григория Ходжера; манси Ювана Шесталова; азербайджанцев Чингиза Гусейнова, Максуда и Рустама Ибрагимбековых; ногайца Иссы Капаева; корейца Анатолия Кима; башкира Анатолия Генатуллина; ингушей Идриса Базоркина, Багаудина Зязикова; крымского татарина Эрика Кудусова; татарина Михаила Львова; единственного - пишущего на русском - уйгура Исраила Ибрагимова и многих других на русском и родном языках.

Восторженно отмеченный А.С. Пушкиным рассказ «Долина Ажитугай» черкеса «Султана Казы-Гирея (потомка крымских Гиреев)», писателя и русского офицера, но верного «привычкам и преданиям наследственности»¹⁰, доказывает факт рождения данного понятия еще в XIX в. К этому времени русская литература, пройдя путь взаимодействия с Западом, достигла своего вершинного развития. Ее возникновение и стремительный рост стали доказательством того, что устная поэзия как «исторически первая форма литературы» в критический

⁸ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. -М., 2002.

⁹ Солнцева В., Михальченко В. Введение. Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социоллингвистическая энциклопедия. Книга 1.-М., 2000.

¹⁰ Пушкин А.С.: «Россия может быть на Кавказе носителем идеи насилия и приносить народам Востока грубое вторжение и разрушение векового уклада. Но Россия - часть ... цивилизации. Нести эту цивилизацию на восток - её историческая миссия». См.: Ю.М. Лотман. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция. -М., 1994.

момент развития самосознания народа дает твердую почву для рождения литературного языка. Под напором устных преданий сквозь схоластические, наднациональные церковнославянские писания пробивались народные литературы: русская, украинская, белорусская, обретая как географическую и национальную границы, так и признаки родства в стадийной общности народов.

Русская литература искала выходы для дальнейшей эволюции. Культура «коллективистской направленности» тяготела к Востоку (С.Г. Тер-Минасова 2003) и нашла выход через описание «чужого» образа: калмыка и тунгуса, цыгана и черкешенки, Хаджи Мурата и Черного араба. Этим достигалось более четкое осознание своей национальной специфичности, т.е. «войдя в некоторую культурную общность, культура начинает резче культивировать свою самобытность» (Ю.М. Лотман). Традиционным экстенсивным путем охвата окраинных народов в пределах русской письменности осваивал Казахстан и Киргизию М.М. Пришвин (очерк «Адам и Ева», повесть «Черный араб») по заданию журнала «Русское богатство». Однако освоение Востока на данном историческом этапе не характеризуется динамичностью. Лучшие умы России понимали необходимость более конструктивных и продуктивных действий¹¹.

Просветительская деятельность в российских окраинных землях сказалась на зонах соприкосновения языков и культур. На русско-киргизском пограничье середины XIX - начала XX в. сложилась ситуация, когда миссия русского просвещения не была выполнена в силу разного рода обстоятельств. Произошел своеобразный парадигмальный сдвиг в культурах народов: сначала Россия в свою культурную орбиту вовлекала бесписьменные народы, потом пришло время, когда они должны были идти к вершинам русской классики. На Украине на русском языке пишет Т. Шевченко, в Прибалтике – Ю. Балтрушайтис, на Кавказе – осетины К. Хетагуров, И. Кануков, чеченец У. Лаудаев, ингуш Ч. Ахриев, кабардинцы Ш. Ногмов и И. Атажукин, адыг Адиль-Герей Кешев и др.

Культура кочевников Центральной Азии также испытывала давление изнутри. Законы имманентного развития культуры для осмысления своего «я» требовали наличие «другого» и фольклорное сознание искало выход для дальнейшего развития. В XIX в. первым проводником в диалоге Руси и Степи стал в совершенстве владевший казахским и русским языкам ученый востоковед и одновременно блестящий офицер русской армии, потомок казахских ханов Чокан Валиханов. Ф.М. Достоевский – друг и наставник Ч. Валиханова в письме от 14 дек. 1856 г., очевидно, понимая важность и необходимость «исповеди инородца» на русском языке, советует ему написать о себе и своем народе: «Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы, что написать. Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то

¹¹ «Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лениности в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги ...». См.: Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года// Сост. М.Н. Виролойнен. –М.: Слово/SLOVO, 1999. С. 454: «Там на Востоке – тайник богатых откровений». См.: Термонтоз М.Ю. Избранные произведения в 2-х т., т.1. –М., 1973. С. 596.

же время служить своей родине просвященным ходатайством за нее у русских. Вспомните, что вы первый киргиз, образованный по европейски вполне. ... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так вас люблю, что мечтал о судьбе вашей по целым дням»¹².

Другой казахский просветитель Абай Кунанбаев в XIX в. не обольщаясь, ориентировал свой народ на русскую культуру и ислам, как разумную и рациональную религию¹³. Для национальных культур, сопряженных с русской, XX в. стал определяющим и самоценным периодом. Культура приобрела новые цивилизационные формы; восточная парадигма тюркских этносов поменялась на европейскую. Приобщение к европейским литературным формам шло через русский язык. Таким образом, *путь из центра в степь был отброшен, и пограничная цивилизация проявила не меньшую активность и способность к экспансии культурных ценностей за пределы своих границ в направлении «чужого» центра*. Это был путь «диких» народов к вершинам русской классики.

Уже в 1836 г. А.С. Пушкин пишет: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить». Послесловие русского поэта красноречиво свидетельствовало о том, что слово европейца стало анахронизмом в сравнении с исповедью «инородца», который сам поведал о себе народу русскому на русском языке. Это понимал Л.Н. Толстой, считавший, что «Хаджи Мурат» не лучший образец «чужого» национального образа, и Ф.М. Достоевский, не сочинявший свои записки о «степном быте», а советовавший Ч. Валиханову написать о себе и своем народе. Все эти факты позволяют выдвинуть тезис о том, что в части литературы русская культура относительно вовлеченных в единую культурно-историческую общность наций и народностей являла собой крупную цивилизацию, зону для переноса своей языковой культуры, одновременно испытывая влияние сопряженных с ней культур, в частности, центральноазиатской.

В начале нового столетия и тысячелетия «младописьменные» культуры, не смотря на все трудности их становления в рамках культурной парадигмы XX

¹² Достоевский Ф.М. Письма (1832-1859). Книга 1. Т.28 // Полн. Собр. Соч. в 30-ти т. Изд.: Наука, Ленинградское отделение. –Л., 1985. С. 248-250.

¹³ «Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство ... несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык ... Потому что русские, узнав иные языки, приобщаясь к мировой культуре, стали такими, какие они есть. Русский язык открывает нам глаза на мир. Просвещение полезно и для религии». См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия. Космос кочевника, земледельца и горца. -М.. 1999. С. 283.

в. (условия были отнюдь не благоприятными¹⁴), обогащены взаимодействием с русской культурой¹⁵.

Следовательно, понятие «русскоязычный писатель» в своем значении потенциально содержит комплекс проблем исторического, культурного, лингвистического, социального, политического характера. И как понятие оно обладает устойчивостью для языкового и временного пространства в пределах русской и национальных культур XIX-XX вв., а в XXI – и географического. Определение О.О. Сулейменова природы двуязычных авторов¹⁶ аналогично положению Ю.М. Лотмана о том, что на границе двух семиотических миров функционирует билингвальный механизм, обеспечивающий перевод сообщения одного семиотического мира в другой. В этом контексте становится чрезвычайно актуальной точка зрения Г.Д. Гачева, высказанная им задолго до появления парадигмального сдвига в сознании общества: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны – на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двуязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноязычник», на каком бы великом языке он не мыслил» (1988).

Монолизм в эстетико-философской концепции личности М.М. Бахтина отрицает наличие вне себя другого равноправного сознания, другого равноправного «Я» («Ты»). Единство мира обеспечивается диалогом, приводящим в единство множество единичных центров-сознаний, не давая миру распасться на солипсические монады. Все это позволяет рассматривать

¹⁴ См.: Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане /Под общ. ред. Э.Д. Сулейменовой. –Алматы, 2005; Камбаров Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии... Автор. дисс. ... д-ра филол. наук. - Нальчик, 2002; Поштаева А.В. Литература Севера// Республиканская газета коренных малочисленных народов РС(Я) 15.02.02.

¹⁵ «Освоение русской культуры казахами ... явление, ... повлиявшее на ... интеллектуальный горизонт нации в целом. ... Звук и мысль, весь речевой строй языка, на котором творили ... великие романисты девятнадцатого столетия, образы... вошедшие в наше сознание, оставили благодарный свет поистине великой культуры. Они способствовали пониманию реальных достоинств русского народа и русской культуры в отличие от всех и всяческих искажений. ... Именно поэтому отношение подавляющего числа казахов к одному из самых больших европейских народов определяется не воспоминаниями об агрессивно-истерических кликушах, мечтающих о реставрации, но теми культурными следами, которые оставила в нашем национальном сознании русская гуманистическая традиция. В этом и состоит смысл подлинной культуры – сближение народов на основе понимания». См.: Назарбаев Н.А. Было это на Земле/ Родина. -М., 2004. С. 11.

¹⁶ «Это интеллигенция, рожденная на границе двух миров ... пограничный пласт – результат взаимодействия контактирующих культур и... проводник дальнейшего взаимопроникновения. ... Она сама и произведение, и знак интеграла между двумя средами. Пограничная полоса не только разделительная линия, но и линия соединения. Вот это диалектическое состояние борьбы и единства противоположных сред в полной мере воплощается в данной личности, определяя прогрессивный и драматический характер ее деятельности и существования. И понимание своей природы необходимо для осознания долга и призвания – проводников процесса взаимодействия культур». См.: Сулейменов О.О. Доклад на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки. 1977. -Алма-Ата. 1989. С. 54–55.

творческое билингвальное сознание как механизм, обеспечивающий диалогом единство двух языковых картин мира.

Таким образом, национальная народная поэзия киргизов и казахов на границе с другим семиотическим миром - русской культурой, стала частью целого. Усваивая внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру, она «одновременно воздействовала на другую часть, как определенная база диалога – основа смыслопорождающих процессов» (Ю.М. Лотман). Возник билингвальный механизм, пограничный роман - текст, который носители языка однозначно не соотносят ни с русской, ни с национальной культурой, поскольку его сознание достаточно явно реагирует на данный тип текстов.

Глава 2. Лингвистические предпосылки для изучения речетворческой деятельности билингвальной личности национального русскоязычного писателя. Носители языка, признавая за билингвами совершенное знание иного языка, нередко сопровождают свое признание замечаниями. Французы в стихах англичанина О. Уайльда находили «много погрешностей», а тексты шведа А. Стринберга, перед печатью им «приходилось всегда исправлять» (М.П. Алексеев 1981). В.Г. Белинский находит «недостатки и неправильности в языке» «Мертвых душ», хотя считает поэму «высокохудожественным и национальным произведением», а его автора русским национальным поэтом: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» (1950). В.В. Набоков считает, что в период создания «Диканьки» и «Тараса Бульбы» Гоголь «чуть было не стал автором украинских фольклорных повестей» (1996). Но «сорочинцы, миргородцы, парубки, казаки Сечи запорожской – с особыми жизненно-сюжетными ситуациями, преданиями, языком и юмором», по Гачеву, раздвинули границы русской литературы. В воспоминаниях современников (М.А. Максимович), Гоголь прекрасно владел украинским языком. Он, как «двуязычник», живущий одновременно в двух моделях мира, не мог не взаимодополнять их. Ситуация диалога между двумя мирами постоянно сообщает ему креативную, продуктивную, кросс-культурную позицию. Особенно явно ощущается присутствие Гоголя-билингва в его ранних произведениях, созданных до «Мертвых душ», где он потенциально существует в двух культурно-лингвистических контекстах.

Знание языков позволили В.В. Набокову стать в американской и мировой культуре признанным явлением. Однако он отмечал, что русская языковая традиция отразилась на новом языке творчества. Его роман «Ада» даже называли «смесью русского, французского и английского языков» (a medley of Russian, French, and English). Все эти примеры подтверждают мысль известного философа М. Мамардашвили о том, что «материя» - материнский язык «обладает свойством непрерывности, бесконечности: куда бы мы ни шли, мы не можем отступить от своего бытия в ней. И куда бы мы ни пришли, мы остаемся внутри этой бесконечности» (1992).

Творчество Ч. Айтматова стало фактом не только киргизской, но и русской литературы. Его русский «естественен и изящен, как это бывает, когда писатель думает на том языке, на каком пишет» (З. Кедрина, М. Азизов, М. Плиссский и др.). Творчество Ч. Айтматова на русском языке – объект научных исследований (около 40 известных нам канд. и докт. дисс.) в России и Франции, Сирии и Германии, Индии и Америке, Италии и Бельгии и т.д. Тем не менее, в

восприятии русского человека отдельно взятый абзац «Белого парохода» звучит как сказка, хотя написан чистым и красивым реалистическим языком: *«Русские писатели, если бы они писали сказку, писали бы ее языком сказочным, а произведение реалистическое – совершенно другим языком, реалистическим»* (С. Залыгин 1979). Он *«нерусский, осмеливается пускаться в диалектизмы и неологизмы, ...свобода языка: заговорил на русском, как власть имеющий и играющий»*. Айтматовым «влиты в русскую литературную традицию такие ...образы, которых русский по происхождению писатель и на материале русской жизни создать не может». Такое же было, когда в русскую литературу вошел *«нацмен из Малороссии - Гоголь»* (Г.Д. Гачев 2002), Бабель и др.

Овладесть русской языковой культурой и быть русским писателем для Ч. Айтматова отнюдь «не значит жить на Оке, не обязательно «акать» или «окать», но обязательно: хранить в своей душе художественный, духовный опыт предшественников как свой собственный и сокровенный: «Невозможно создавать современную прозу, не впитав классического реализма Толстого и Чехова. ...Ресурсы русского языка неисчерпаемы. Когда я пишу по-русски, то чувствую (хотя почти невозможно «сформулировать» это чувство), что выражаю себя совершенно особым и неповторимым образом» (1978).

По В.Г. Костомарову, в норме у человека не бывает двух материнских языков, как двух родных матерей, однако он считает, что «выученный язык может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью» (1991). Навсегда выбравший русский язык в качестве языка творчества «Олжас Сулейменов казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остается поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа. Истари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского» (Л. Мартынов). До него в русской поэзии «ни разу так подлинно не говорила русская Азия» (Б. Слуцкий). «Казах – автор русских стихов о России, Франции, Америке, но больше всего о казахской степи» бывает и «Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!» (Дм. Молдавский).

Как и в случае с Ч. Айтматовым и А. Кодаром, в работах, посвященных творчеству О. Сулейменова, отмечают взаимодействие русской литературы с казахским мировосприятием: «Он владеет им (русским языком) свободно и тонко..., чувствуется органическое усвоение русской стихотворной культуры». Е. Сидоров пишет: «Природная одаренность разлита повсюду, ... не допускает в стихи стереотипного сознания, отполированного до унылого глянца» (1996). Для него «слово было не только средством создания образа, но представляло собственно лингвистический интерес». Одна из особенностей поэтических текстов Сулейменова заключается в индивидуально-авторских фразеологизмах: *«Ведь только понятое – подлинно; Сознание – это сонмы знаний; Сомнение соткано из мнений; Конец – вот истина, что бесконечна; Свободен в выборе лишь тот, кто с миром вровень; Ты высшую храбрость познал – не бояться позора; Будь с гордым горд: он не отец пророка, будь с робким робок: он тебе не раб; Крест – самый точный символ божества: единство достигается борьбой; два черта (две черты), иуды два, схватившись, в споре, возрождают бога; Каждому племени нужен один человек, ушибленный звездой; Каждому из нас дано быть ближним, не оценишь, если не был лишним; В любви не*

признаются на латыни, не ссорятся, не спорят на латыни; Всяк сотворенный природой красив, все наши беды от нетерпения: если не дано – не проси – не проси, не ловя язя в озере, где караси; Долгожители кто? Не начальники, и не гении, но молчалышники; жена и муж есть Бог; Истина всегда нелепа» и мн. др.

Его «филологическое чутье» (Л. Аннинский) проявилось в прочтении им «Слова о полку Игореве» (Азия). Ср. например: «Единь же Изяславь сынъ Васильковъ позвони своими острыма мечи о шелома Литовскія: притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подь чрылеными штыга на кроваве траве притрепанъ Литовскими мечи. **И схотию на кровать и рекъ:** «Дружину твою, Княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша». Выделенные в данном отрывке строки Мусин-Пушкин перевел как: «**На семь то одре лежа произнесъ онъ**». Множество других поправок близки по аналогии варианту В.И. Стеллецкого: «**н с милою на кровать**». О. Сулейменов дает свой вариант разбивки строки: «**исхоти юна кровъ**» («умирать от потери крови» - устойчивое сочетание в славянских языках), который точнее грамматически и литературно¹⁷. Он пишет, что «читать «Слово» ему помогло природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией, чувство слова и образа»¹⁸.

Он мечтает породнить в душе Азию и Запад (Е. Сидоров). Его творческое кредо: «возвысить степь, не унижая горы». Активная гражданская позиция проявляется в его деятельности в качестве председателя русскоязычной группы стран-участниц Генеральной Конференции ЮНЕСКО по сохранению русского как языка межнационального общения и расширению его функционирования за пределами ЮНЕСКОВской группы (не только в странах СНГ и Балтии, но и Восточной Европы). Одна из целей группы – достижение сознательного восприятия русского языка (в определенной степени насильно вводимого в XX в.) как культурного, цивилизационного феномена и лингвистического капитала.

В его русских поэтических текстах казахский фольклор стал почвой для новаторства. Поэт вводит в них казахские слова, которые вошли в речь жителей Средней Азии – и русских, и таджиков, и украинцев: «*Почти каждое из них легко переводимо и почти каждое теряет при переводе какую-то долю яркости. В его стихи и поэмы врываются ритмы казахского эпоса*» (Дм. Молдавский). «*Русский так не пишет. Он может написать лучше или хуже. Но так – никогда. ... И стихи из под его пера выходили какие-то особенные. ... Взят на вооружение поэтический строй русской речи, он оставался удивительно национальным*» (Г. Серебряков).

Билингв - А. Кодар - казахский поэт новой волны, критик и переводчик национальной классики, ученый культуролог и философ убежден в том, что на

¹⁷ Позже разбивание О. Сулейменова было использовано Д.С. Лихачевым (об этом подробно Е.Д. Федюшкин «Склока о полку Игореве» в 1997-98 годах в газете «Вести Дубны»).

¹⁸ По М. Ауэзову, О. Сулейменов представлен в «Азия» как: славист, тюрколог, шумеролог; историк, лингвист, литературовед, философ; этнограф, палеограф, знаток летописей; поэт, драматург, публицист; гражданин, общественный деятель и т.д. «Объединенные в одной личности эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времен, воскрешая в памяти образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения». См.: М.М. Ауэзов. Осененный выдохом вечности – словом// Вместе с Олжасом. -RDW-Waumbach, Германия, 1996. С. 159-166.

каком бы языке не мыслили казахи, круг их суждений вращается вокруг создания национальной культуры и осмысления национальной истории. Двухязычие для него - постоянная возможность инобытия или инвариантов, возможность внеаходимости. Каждый язык ведет себя в его сознании «абсолютно как собственник, требуя особого к нему отношения. Поэтому на казахском я выражаюсь не так, как на русском. И русский язык диктует мне свои правила и опыт, свои средства выражения, отличные от казахского». Кодар, как и Кассирер, Набоков, Дадье, говорит о трудностях творчества на чужом языке: «Это приводит к раздвоению личности, к некоей прострации, когда отчуждаешься ото всего и всему противостоишь. Это приводит к иному уровню сознания, к иным ценностям, неведомым для моноязычных».

В «стремлении к диалогу с миром», по Кодару, очень актуально искусство перевода. При чтении на русском языке его переводов средневековых казахских поэтов-жырау запечатленная в поэтическом тексте, домусульманская, языческая, кочевничья картина мира представляется ожившей в силу рельефа простиупающей ритмики казахского поэтического слога. А. Кодар чувствует специфику этого типа словесно-художественного творчества, которое функционально шире представленного в общепризнанной классификации поэзии, и выводит исследовательскую мысль за пределы узко дисциплинарных координат.

Причины неадекватности до-кодаровских переводов кроются в желании переводчиков творческую поэтику «втиснуть в метрику русского стиха» (Кодар), в непонимании различной передачи мировосприятия кочевником и земледельцем, заложенных во внутренней форме слова, которая обусловлена своеобразием внутренней формы языка, его неповторимой «физиономией» (Гумбольдт). Носитель русского языка замечает в переводах Кодара «эксплуатацию» синтаксических возможностей русской языковой системы, провоцирующая мысль: «Русский так не пишет». Тогда как передача значений казахского слова требует этой «эксплуатации», накладывая на язык перевода отпечаток агглютинативной языковой системы.

Наиболее полно агглютинация развивается в больших языковых кочевых коллективах в условиях дискретного режима, где повод коммуникации обусловлен потребностью получения сведения об интегрированном результирующем состоянии общеизвестных людей, вещей, мест и т.п., сложившемся за определенный период времени. Кочевой народ собирался вместе и вел интенсивный процесс обмена социально значимой информацией («ретранслирование») в определенные периоды года, что не провоцировало опасности «испорченного телефона», а значит, и потребности чрезвычайного усложнения формальной языковой техники как это имеет место в крупных оседлых, однородных коллективах, переходивших на флективный языковой строй (напр.: в русском). Для языкового общения в условиях кочевья каждый акт коммуникации служит для восстановления непрерывности прерываемой сюжетной линии, отражающей траекторию существования единичного или группового индивида. Тут важными становятся устойчивость, однотипность и простота используемой языковой техники как средства формирования и поддержания единства социального сознания (Г.П. Мельников). Очевидно,

отсюда у казахов/киргизов¹⁹ было развитым искусство сказания, воспроизводящее, «самопроизводящее» и передающее следующим поколениям типовой способ отражения окружающей действительности, осуществлявшее, таким образом, связь времен. Основной способностью здесь «является память, а не мышление, умение слушать, а не рассуждать»²⁰.

Кочевник заинтересован, прежде всего, в сведениях о признаках, которые в масштабах истекшего периода получают социальную окраску – значимых, существенных, качественных, достойных того, чтобы о них знало все общество. И в этом отношении они близки к сведениям, передаваемым языковыми средствами в большом однородном оседлом коллективе с его флективной техникой. Разница состоит в том, что киргиз/казах «собирает» словоформу из корневой морфемы и служебных морфем для данного конкретного случая. Коллекционность морфем предоставляет возможность слушателю в акте коммуникации получать постоянно обновляющуюся новыми свойствами и признаками информацию об объекте. Следовательно, при переводе на русский язык использование не стандартных для русского языка речевых средств является необходимым и оправданным, например, причастных и деепричастных форм русского, способных передать статику и континуум развития действия в тюркских языках. Ср. напр., перевод А. Кодара «Слово жырау Казтугана», где текст заканчивается темой-подлежащим – *жырау Казтуган*, а все перечисленные до нее определения – сведения являются ее *свойствами и признаками*. В отличие от носителя русского языка, *намекающего* на то, какими могут быть характеристики элементов последующих звеньев речевого потока, носитель казахского *напоминает* характеристики элементов предшествующих звеньев: *такой-то + такой-то + такой-то +... = жырау Казтуган!*. Передаваемую с помощью цепочек словоформ синтаксически однотипную и чрезвычайно лексически разнообразную информацию на казахском Кодару удалось адекватно передать в русском тексте.

Хайдеггер, говоря о диалоге «между домами», считает его «невозможным», но добавляет слово «почти». Вайсгербер, считая, что власть родного языка над человеком абсолютно непреодолима, очевидно, имеет в виду ту «бесконечность бытия» (Мамардашвили), от которой индивиду-билингву не уйти, так как «иноязычие не может перебить голоса крови» (Кодар). Даже, если иноязычие – «мачеха» роднее, чем «мать» (Костомаров). Но все это отнюдь не постулирует отсутствие возможности отражения действительности двумя способами. Исходя из собственного опыта, Ч. Айтматов уверен, что в детстве человек может органически усвоить два параллельно пришедших к нему языка и

¹⁹ «Кара-киргизы и казак-киргизы отличаются даже от своих соплеменников тюркского происхождения необыкновенным умением говорить ...бегло, не останавливаясь, и не запинаясь. Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясно ритмический размер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов и производит впечатление стихотворения». Их «поэзия – высокое искусство». См.: *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. –СПб., 1885, ч.5. С. 3-23.

²⁰ «Переход к письменной оседлой культуре ознаменовался... чудовищной деградацией памяти». *Нуржигит Б.* Город и степь// Тамыр №2(10), 2003. С. 48.

больше, если эти языки были равнодействующими с первых лет: «Для меня русский не в меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь» (1978). Аналогичная точка зрения у Ю. Рытхэу, В. Санги.

Иноязычие - это постижение мира, по-другому расчлененного и объективированного в конкретном языке²¹, обретение нового инструмента в познании мира и новый путь реализации индивида как личности. Умение найти и использовать «нужный» способ описания на ином языке – навык, который не приобретается путем чтения грамматик. Он возникает только в результате активного усвоения индивидом своей языковой культуры (национальной) и опыта классической (русской) литературы. Пребывание внутри «бесконечности» материнского языка и овладение иным позволяет билингвальной личности относительно молингвально раздвинуть рамки мировидения²².

Создание образа первичной культуры на русском языке требует от авторов – творцов использовать выработанный в общественном сознании носителей русского языка способ описания действительности. Но не все значения, присущие казахскому/киргизскому образу можно передать на русском. И в этом случае объект обрастает новыми тонами, расширяя ментальные возможности не только автора, но и читателя. Ориентируясь в стихиях обеих языковых культур, билингвальный писатель делает и своего читателя «гражданином мира», способным верно понять те культурные артефакты, с которыми он сталкивается при чтении, но которые не принадлежат к его культуре. Читатель начинает делать «своим» «чужое» через свой язык, конструируя вокруг себя культурный ореол и ситуацию, сообразно той, которую создает опережающее обыденность сознание творческой билингвальной личности.

«Инаковость» текста осмыслиется читателем благодаря литературной норме, непосредственно участвующей в осмыслении и оценке способа описания действительности носителем языка, защищающей и делающей престижным наиболее оптимальный на данной стадии развития общественного сознания способ описания объекта. Она является знанием носителя языка - языковым чутьем «природного» лингвиста. Эти знания позволяют ему оценивать любой текст с точки зрения соответствия читаемого им варианта способу описания подобного смысла автором - носителем того же языка, поэтому он и замечает «неудачи» Стринберга, «иностранный акцент» Суинберна, «некоторые погрешности» Уайльда, «неправильности» в языке Гоголя, ярко выраженную на русском языке национальную идентичность русскоязычных писателей.

Процесс порождения текста билингвальной личностью – особый речемыслительный процесс, обуславливающий технологию, цели и средства данной деятельности на приобретенном языке. При чтении русских текстов

²¹ «Изучить чужой язык не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам. Овладеть языком - значит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации». См.: *Мартине А.* Указ. соч. С. 382.

²² По В. Набокову, Гоголь принес в русский «материал» то, чего сами русские писатели не принесли. Пушкин, Блок, Белый полнее открывают город Гоголя, а не создают новый его образ. Странность этого города была по-настоящему понята и передана, когда по Невскому проспекту прошел такой человек, как Гоголь. Русская литература, до Гоголя и Пушкина была «подслеповатой». Только Гоголь, (затем Лермонтов и Толстой) увидел желтый и лиловый цвета. См.: *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. -М., 1996. С. 38.

авторов-билингвов, воспринимая адекватный художественный образ иной культуры и «расширяя диапазон» своего существования, носитель языка приобщается к мироощущению другого народа. При этом нередко находит в них некие «неправильности в языке», выражая тем самым возникающие в своем языковом сознании рефлексивную реакцию и интуитивное суждение, оформленные в мысль: «Носитель языка так не пишет».

Глава 3. Творческая билингвальная личность: особенности создания художественного образа первичной культуры на языке приобретенной культуры. Создание «чужого» образа, как акт творческого сознания постоянно подразумевает «другого» - партнера в его осуществлении, чем вызывает к жизни два встречных процесса.

1. Культура постоянно создает собственными усилиями «чужого», иначе кодирующего мир. Созданный по контрасту с собственными доминирующими кодами «чужой» образ экстериоризируется культурой вовне и проецируется на вне ее лежащие культурные миры. Как, например, этнографические описания европейцами «экзотических» культур, в т.ч. и русской или описание Тацитом быта германцев²³. Из той же категории путешествие М. Пришвина в «дикую страну», напоминавшую ему «первую библейскую Книгу Бытия с ее кочевниками – пастухами» (В.Д. Пришвина). Книга Бытия для него заслонила бытие. Развитие культуры по пути вовлечения «чужого» в свою культуру, описания/ подражания - необходимое условие развития любой культуры. Но описание «чужого» русскими писателями провоцируют мысли о том, что «Черный араб» был написан в духе подражания Корану (В. Левченко); «Повесть о Ходже Насреддине» Л. Соловьева и «Звезды над Самаркандом» С. Бородина принадлежат русской прозе, но если их лишить мысленно «незаемного восточного колорита», то они «потускнеют, как потускнела бы ... проза Ф. Искандера без ее органичной погруженности в мир абхазской жизни» (В. Оскоцкий 2001); Как бы точен не был в красках, А. Бестужев-Марлинский, автор интересных произведений на дагестанскую тематику - он не может считаться национальным писателем Дагестана (Ш. Мазанав)²⁴.

2. Образ кочевника как внешняя культурная структура, вводился русскими писателями во внутренний мир своей культуры на русском языке – процесс интериоризации. По Ю.М. Лотману, внутренний образ внешней культуры обладает языком общения с культурным миром, в который он инкорпорирован. Но эта коммуникативная легкость связана с утратами определенных, и часто наиболее ценных как стимуляторы, качеств копируемого внешнего объекта. Это, собственно, и имела русская культура: описание русскими писателями образа «инородческих племен», отражавшее осмысление и нормы языкового кодирования информации «чужого» сознанием русского человека. Возникает

²³ В основу определения творческого сознания билингвальной личности положено условное определение творческого сознания монолингва Ю.М. Лотмана. См.: *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)// История и типология русской культуры. –СПб., 2002. С. 67-68.

²⁴ Ш. Мазанав затрагивает и другую важную проблему: «Русскоязычная художественная литература о Дагестане не имеет своего паспорта, незаслуженно забыта средней и высшей школой». См.: *Мазанав Ш.* Многоязычие в мировой литературе// Литературный Дагестан. Приложение №14. 14.01.2003.

неизбежное диалектическое противоречие: «Россия – Запад», породившая «тип русского западника» - фигуру, выполнявшую роль представителя Запада²⁵. Полученный текст является «своим» для русской культуры, поскольку образ преломлен через призму восприятия русского человека и на его языке. В то же время он принадлежит к той, образ которой в нем описывается, для осознания «чужой» точки зрения на себя. Такого рода культурное переживание - необходимое звено во внутренних структурах обеих культур.

Культурное переживание Россией Востока в XIX в. плодотворно отразилось на организации русской культуры. И «Хаджи Мурат», над которым Л.Н. Толстой работал с редким усердием, и «Черный араб» и др. стали необходимыми элементами в ее структуре. Однако *процесс интериоризации не отображает итоговый результат процесса осмысления действительности «чужой» культурой, а вырабатывает в общественном сознании своей культуры типовой способ осмысления «чужого»*. Русский писатель описывал объект, но не видел субъекта в иначе кодирующем мир носителе «азиатского» сознания. В русской культуре происходил «выброс» текстов в восточном стиле, но это не был реальный Восток. Процесс именованного и процесс осмысления объектов «другого» мира осваивается им через речемыслительную деятельность носителя русского языка. Создание же реального «чужого» образа и нахождение адекватного варианта его актуального значения на своем языке требует осмысления (вычленения и категоризации объектов действительности) как это происходит в культуре «чужого» образа²⁶.

Такое осмысление выводит нас на эстетико-философскую концепцию личности М.М. Бахтина, в основе которой лежит представление о двух формах познавательной активности: *монологической* – познание вещей и любых объектов знания, в т.ч. и человека, как вещей, и *диалогической* - познание *другого субъекта*. Введя в единый контекст диалогизм понимания идеи «Я» и «Другого», М. Бахтин показал, что *полифоническому мышлению доступны такие стороны человеческого бытия, которые не поддаются художественному освоению с монологических позиций*. Монологизм отрицает наличие вне себя равноправного сознания, другого равноправного «Я» («Ты»). При таком подходе «Другой» остается только *объектом* сознания, но не *другим* сознанием. Следовательно, *механизм творческого сознания автора монолингва - это интеллектуальное устройство, способное на родном языке создавать тексты, отображающие свою картину мира с присущими ей качествами, и посредством интериоризации чужой культуры в свою – тексты, отображающие образ иной культуры, с утерей определенных качеств, наиболее ценных как стимуляторы*. Данный вывод позволяет выдвинуть *тезис* о наличии таких качеств в тексте авторов-билингвов, в частности - русскоязычных.

²⁵ «О ней судили в соответствии со своим пониманием Запада. и о Западе судили, глядя на западников. Но русский западник был очень мало похож на реального человека Запада своей эпохи и, как правило, очень плохо знал Запад: он конструировал его по контрасту с наблюдаемой им русской действительностью. Это был идеальный, а не русский Запад». См.: *Лотман М.Ю. Указ. соч.*

²⁶ А. Горький: «Можно ли написать «Хаджи Мурата» лучше? Нам кажется нельзя, а Толстому казалось можно». См.: *Ломунов К. Толстой – рассказчик и повествователь. Вступительная статья// Л.Н. Толстой. Повести и рассказы. -М., 1986. С. 13.*

По М. Бахтину, для того, чтобы схватить личность в целом нужна *позиция внеаходимости*. Это находит аналогию в деятельности билингвов (внеаходимость, инобытие, дом, ставший безумием и т.п.). Принцип устройства речемыслительной деятельности творческого билингвального сознания изоморфно и бахтинской категории «*двуголосого слова*», понимаемой как *единая синтаксическая конструкция*, формально принадлежащая одному говорящему, но реально содержащая *два* находящихся в диалогических отношениях *голоса*.

Отраженные в двух языках фрагменты действительности не всегда имеют взаимоднозначные соответствия. Одному фрагменту в переводимом языке может соответствовать некоторое множество элементов в переводе и наоборот. Установление соответствия всегда подразумевает выбор, который сопряжен с «внеаходимостью» и имеет характер находки, озарения. Перевод «непереводимого» является механизмом создания – *двуголосого слова - новой мысли*, в основе которого лежит не просто однозначное преобразование, а более адекватная модель, метафора. При сравнении способов выражения одной и той же мысли средствами первичного и приобретенного языков творческая билингвальная личность различает систему их значений. Диалог двух субъектов в одном сознании ведет к осмыслению и пониманию семантических характеристик языковых единиц двух различных систем: что в первичном языке (напр., киргизском или казахском) выражается имплицитно, а в приобретенном (русском) - эксплицитно и наоборот. Дело здесь не в различиях языкового строя, который часто рассматривают как условие разного «видения мира», а в том, что различия эти лишь обуславливают «видение картины».

По Г.П. Мельникову, различие в строе языка приводит «к различию в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания». В итоге содержание остается одним и тем же, независимо от того, на «каком языке» думают участники коммуникативного акта²⁷. Ср. напр.: *манкурт* – раб, не помнящий своего прошлого; *манкурт* не знал, кто он, откуда он родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил своего детства, отца и матери – одним словом, *манкурт* не осознавал себя человеческим существом» и др. (Айтматов); «Обращение к дорожному человеку - *айналайн*. «Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод. «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы»» и др. (Сулейменов); *Сагыныш* – это радость тоски и томленья./ Белоснежного чувства живое струенье./ Снежных хлопьев без запаха дым./ Это снег не разлуки, а радостной встречи./ он рисует глаза твои, руки и плечи /...*Изождался тебя – «сагындым»* (Кодар).

В казахском языке смыслы слов *манкурт*, *айналайн*, *сыгыныш* оказываются в числе ближайших, поскольку выражены одним словом, для чего потребовалась - *однословная номинация*; в русском узуальным способом ассоциированных с ближайшим, что требует *когноминации* (использование

²⁷ *Зубкова Л.Г.: Собственно «мышление, с точки зрения Геннадия Прокопьевича, не вербально и универсально». См.: Системная типология языков: Принципы, методы, модели/ Г.П.Мельников /Отв. ред. Л.Г. Зубкова. -М.: Наука, 2003. С. 12-13.*

узуальных смыслов большего числа слов («в качестве предконечных для намека на определенные компоненты конечного смысла»).

В сознании билингвальной личности каждый язык - специализированный и социализированный психический механизм *со своими отличиями в условиях общения и внеязыковом сознании*, которые и обуславливают нетождественность и вариативность коммуникативной функции в двух языках. В русском тексте номинативный замысел слова *манкурт* выражается через цепь намеков, выбираются речевые знаки для его высказывания с целью формирования нового образа. Конечный номинативный смысл слова, благодаря системе намеков через ассоциации языковых и внеязыковых единиц психики, предпринятых автором, в процессе передачи текста направляет деятельность слушающего/ русского на адекватное восприятие свойств «чужого» национального образа. *Этим определяется свойство билингвальной личности отражать действительность в ее национально-специфическом варианте, инварианте и в ее глобальном проявлении.*

Анализ текстов билингвального автора репрезентативно демонстрирует его способность к эффективной герменевтической деятельности – овладеть иным языком как способом осмысления и описания действительности. Описываемый автором национальный образ первичной культуры как объект сознания подвергается им осмыслению. *Вычлняя в нем свойства, отражающие культурный опыт народа и его национальную специфику, автор описывает внутренние формы национальной культуры, которые тесно переплетены с внутренними формами национального языка.* Ср. напр., употребление Айтматовым названий верблюда от рождения и до взрослого состояния (*бота, кайманча, атан, бура* и т.д.); описание состояния животного: *катанное*; использование лексики: *алтын мекре, талгак, казанак, бечара, бейбак, гадание на кумалаках, кречетоглазый* и др.

В русском тексте, чаще всего через контекст (окружение лексической единицы в рамках дискурса и в пределе – весь текст), автором выполняется высказывание, которое для русского читателя становится сообщением. Контекст билингва «намекает» читателю, какая часть высказывания является коммуникативной темой, а какая - ремой, какая часть смысла задумана как предиканд коммуникативного суждения, а какая – как предикатор (по Г.П. Мельникову). Предикатор, воздействуя на предиканд, видоизменяется и преобразуется в результате этого воздействия, в обновленное знание – предикат. В результате сформировавшийся предикат после восприятия речевых знаков включается во внеязыковую картину мира русского читателя как средство уточнения характеристик слова *манкурт*. Следовательно, в русском тексте билингвального автора расширяется и функция заимствований, в отличие от текста русского автора, обращавшегося к тюркизмам в целях создания восточного колорита. В русском тексте заимствованное *манкурт*, обрстая «намеками», выполняет коммуникативную предикацию и художественную функцию. Тогда как тюркизмы в текстах русских писателей часто выполняют номинативную функцию, поскольку остаются лишь в воображении слушающего, на его «оперативном экране». Вносимые во внеязыковое сознание читателя дополнительные поправки и намеки не отражают всех его реальных значений. За

исключением некоторых произведений напр., А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум...», изучавшего азербайджанский язык А. Бестужева-Марлинского в «Мулла-Нур» и др.

Следовательно, при создании «чужого» образа молилингвальная творческая личность может объяснить систему коммуникативных связей, процесс циркуляции некоторых уже сформулированных сообщений, но не образование новых. Для возникновения той закономерной и целесообразной неправильности, составляющей сущность нового сообщения, необходима личность, способная интегрировать различные языковые культуры (как семиотические структуры) в единое целое. В интегрированном тексте-билингвального автора различное наполнение двух языков снимается как в структурном целом и культуры получают возможность дальнейших коммуникативных связей. Когда такое взаимодействие языковых культур оказывается выполнившим свою роль, наступает период, когда в культуре уменьшается «выброс» такого типа текстов. Затем, пройдя период организации, культура вновь выдвигает способный осуществлять контакт с иным семиотическим миром билингвальный механизм - два субъекта, находящихся в диалогических отношениях (C1+C2).

В этом случае познание объекта происходит вследствие его осмысления с точек зрения двух равноправных субъектов $[(C1+C2) \rightarrow O]$. В таком типе речемыслительной деятельности C1 не подавляет C2, а служит импульсом для творческого процесса. Осмысление объекта с позиций двух субъектов как модель поведения становится регулятором речемыслительной деятельности билингва и автоматизирует деятельность, направленную на создание образа C1 на языке C2. Норму желательного «образа результата» задает C1. Зная нормы способа реализации объекта/образа на языке C2, C1 преобразовывает его в соответствии с законами данного языка. Степень соответствия результата этой нормы всегда выше, чем когда мы рассматривали бы деятельность природу создания и передачи того же объекта в паре: «Субъект» – «Объект» (C1-->O). Соотношение (C1-->O) аналогично схеме Ю.М. Лотмана в работе «Феномен культуры» (1978):

Внешний объект (текст действительности)	<--->	Автоматически фотографирующее устройство	--->	Текст (фотография)
---	-------	--	------	-----------------------

По Ю.М. Лотману, данная система, не создает нового сообщения, и «сама по себе, сколь ее ни усложняй количественно, акта мысли не способна моделировать, даже, если присоединить к ней систему «импульс-действие»». В диссертации (3.1.) обосновывается положение о том, что новое сообщение возможно в случае самовнесения внешней культуры внутрь другой культуры на языке последней, т.е. когда она экспандирует культурные ценности за пределы своих границ в направлении «цивилизационного центра», каким в отношении «младописьменных» являлась русская литература. Внешняя культура, инкорпорировавшая себя сама внутрь иной, способна сохранять качества, утрачивающиеся при копировании/фотографировании. В этом видится одно из проявлений «агрессивности неклассических объектов» (которым оперируют

культурологи) какими по отношению к письменно развитому русскому являлись к тому времени казахский и киргизский языки.

Таким образом, если принять образ первичной культуры билингвального автора за *внешний объект (текст действительности)*, который он должен передать на русском языке, то с чисто лингвистических позиций получаем осмысление и описание данного объекта с позиций двух субъектов. То есть, если русскоязычный автор – казах или киргиз, он должен обусловленный моделью фиксированного порядка слов (зависимое слово/языковой элемент + главное/ слово/языковой элемент) казахский/киргизский язык, в котором объективная картина мира репрезентируется коллекционностью морфем - детерминативными функциональными, подстраивающимися элементами, перевести на русский язык, при этом, не теряя свойственных ему значений. В киргизском/казахском языке принадлежность того или иного слова к определенному классу языковых единиц, в отличие от таковых в русском, устанавливается в сравнительно большей зависимости от характера их синтаксического окружения на уровне предложения, контекста. Ср., строки из плача Найман-Аны русского варианта романа «Буранный полустанок»: Мен ботасы олген боз мая./Тулыбын келип искеген./ = (Мен бота+сы ол+ген боз мая./Тулыб+ын кел+тип ис+ке+ген. *Буквально: Я верблюжонка умершего сирая (несчастливая) верблюдица, шкуру его пришедшая вдохнуть). Мен – Я; бота+сы олген – у которой умер верблюжонок (олген бота – умерший верблюжонок; путем прибавления морфемы +сы, получаем выражение притяжательного падежа им. сущ.: бота); олген выступает в словосочетании со словом ботасы – как функционально-причастная форма глагола и служит определением слову мен; словосочетание боз мая – является также определением к слову мен. Буквально: 1) Я верблюжонка умершего (мать) сирая верблюдица. Глаголы келип и искеген имеют две функциональные формы: 1) *пришедший (ая) и вдохнувший (ая)* – функционально-причастная форма глагола; 2) *пришел (ла)-я и вдохнул (а)-я* – функциональная собственно-глагольная, сказуемая форма глагола. 2) *шкуру его, пришедшая вдохнуть.**

Структура данного предложения состоит из двух определительных словосочетаний: первое содержит конкретное значение и является *подлежащим*, а второе - общее абстрактное понятие - *сказуемым*. При рассмотрении примеров подобных признаков слов (*ботасы олген, келип искеген*) следует переводить их на русский язык «атрибутивными именами» типа: *умерший, пришедшая, вдохнувшая* как признак, имеющий отношение к действию «умереть», «прийти», «вдохнуть», как это делают авторы-билингвы²⁸ в отличие от переводчиков²⁹.

Таким образом, развитая гибкая и мобильная система технических средств *сказывания* казахов/киргизов нацелена на *напоминание* характеристик элементов предшествующих звеньев. И билингвальному автору удастся передать эту особенность на русском языке. *Наличие в русской языковой системе*

²⁸ См.: например, Ч. Айтматов, М. Шаханя «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)». - Алматы, 1996. С. 11.

²⁹ «Ах, восточные переводы, как болит от вас голова.... Тратили колоссальную - подчас невозстановимую - энергию собственного творчества. Вливали свою кровь ... с казахского (на самом деле - литературно обрабатывая невыразительный подстрочник) переводил прозу Юрий Казаков, с туркменского... - Людмила Петрушевская». См.: Т.Толстая. После ... -М., 1995.

возможности адекватно передать значения, присущие иной языковой культуре, говорит о ее высокой кодируемости.

Для отражения всех значений объекта «чужой» культуры русский человек должен владеть типовым способом описания действительности носителями «чужого» языка, т.е. активизировать те речевые средства языка, которые способны передать присущие образу данной культуры значения (качества, наиболее ценные как стимуляторы). Отсюда следует, что монолингву это не удастся в полной мере. Ср., напр., и первую встречу матери - Найман-Аны с сыном – манкуртом. В русском тексте песня-плач передается Ч. Айтматовым так: *«И сразу все поняла и зарыдала, топча землю ногами, горько и страшно, кривя судорожно прыгающие губы, пытаясь остановиться и не в силах справиться с собой ...»*. На языке оригинала: *«Аягымен жер тепкілеп, аузы-басы кемсендеп, озін озі тежсей алмай, ал кеп бір анырасын, боздасын сорлы ана»*. Подлежащим является слово с конкретным значением «ана» (мать) с определительными «боздасын сорлы», а все что до него - сказуемое, состоящее из «цепочек» словоформ: *«Аягымен жер тепкілеп»* – букв.: «ногами землю топча»; *«аузы- басы кемсендеп»* - «с кривящимся (от горя) лицом»; *«озін озі тежсей алмай»* - «сама с собой не справляющаяся!»/ не владеющая!» «не могущая взять себя в руки». В исполнении билингва присущая казахской языковой системе «цепочка словоформ» лексически разнообразная и синтаксически однотипная несет новые сведения о теме-подлежащем на русском языке в определенном ритме оригинала.

Наличие двух разных типов языков, языкового поведения и чуткое реагирование читателя ставит перед автором-билингвом проблему «смены кода» и «заставляют» осознать существование отношений выбора между языковыми средствами, наличие правил этого выбора на «вторичном» языке. Это «заставляет» билингвальную личность «изменять» нормы общения. В русском тексте появляются необычные словообразовательные модели в построении высказывания, заимствованные элементы из первичного языка приобретают новые эстетические функции (в сравнении с текстами русских писателей) и т.д. Следовательно, каждый субъект, в т.ч. билингв, как потребитель двух языков в процессе речевой деятельности производит новое, собственное, но в соответствии с нормами и диалектикой развития коммуникативной и познавательной функций конкретного языка. Ср., к примеру, словообразования: *ийрек толкун+ы, алабаш+ы, Сары-озек+ы, оzek+цы, боранлин+цы и др.*)

Говоря о ценности авторского перевода, необходимо отметить, что он является таким же уникальным и неповторимым авторским текстом, как и его прототип. В авторском переводе разрешение задач и целей перевода приобретает несколько иной характер и содержание, чем в переводе профессиональном. Ср. напр., изменение Ч. Айтматовым названия повести на киргизском языке «Саманчинын жолу» (букв.: Дорога Соломщика; в переводе на русский - Млечный путь) на «Материнское поле», которое повлекло за собой изменение ее композиционной структуры. На русском языке повесть состоит из 18 глав, на киргизском - из 8. В повести «Первый учитель» художественное время охватывает больше 35 лет из жизни героев. Но в русском тексте биография и жизнь Дюйшена дана с большими временными пропусками и только в

конкретном отрезке времени (20-е годы в аиле) изображена довольно подробно. В киргизском тексте период до прихода в аил более детальный: *«Дуйшен атасы менен кеше темир жолдо иштеп журуп, Михаил Семенович деген карья мугалимдин колунда эки киш окуп жургенун, аскерге баргандагасын, актар менен согушкандагасын кызыгып угар элек»*. В русском сказано коротко: *«Слушая Дюйшена, мы мысленно сражались вместе с ним на фронтах с белыми»*. Исчезли детали совместной с отцом работы на железной дороге, учебы у учителя Михаила Семеновича и др. (Ш. Джолдошева)

Автор, выступая в роли переводчика своих текстов, направляет свои усилия на выражение внутренней «экзистенции» народа, заключенного в конкретной языковой системе. Методы, средства, приемы, к которым он прибегает в процессе передачи на иной язык всех значений, присущих национальному образу, вызваны необходимостью - сделать их достоянием читателя, к которому обращено произведение. Таким образом, языковая картина мира, имеющая в каждом языке свои особенности, в общих функциональных, понятийных планах становится в принципе типичной, автор и читатель понимают друг друга.

Создание индивидуально-авторских фразеологизмов и афоризмов, их видоизменение, «наращивание» коммуникативных функций в тюркизмах и т.п.. наблюдаемые в текстах билингов-тюрков - индивидуальные особенности речевой деятельности на русском языке не русского человека, которые в обобщенной форме становятся понятными для носителей русского языка. В этом проявляется коммуникативная, познавательная функция знаковой системы языка, в частности - русской, как универсальной социальной сущности. в формах которой обеспечивается отражение, познание и преобразование окружающей действительности в рамках практической целесообразности. в т.ч. русско-национального двуязычия.

Акт информационного обмена, в ходе которого исходное сообщение трансформируется в новое в соответствии с законами той или иной языковой системы в работе называется актом творческого сознания билингва. *Механизм творческого сознания билингвального писателя - это интеллектуальное устройство, способное создавать на родном и на приобретенном языке тексты, адекватно отображающие художественный образ первичной языковой культуры*. Здесь кроется ответ и на решение актуального вопроса в период «ревизии» культурного наследства: К какой культуре принадлежат такого типа тексты? Они для русского адресата и свои, и чужие одновременно: «своим» является язык текста, а «чужим» - качества-стимуляторы внешнего объекта, отсутствующие в тексте русского писателя при описании им «чужого» образа. В равной мере таковыми они являются, например, для киргизо-/казахоязычных читателей: текст является «своим» в силу описываемого объекта и «чужим» из-за языка описания. Но это приводит и к *антагонизму между общественным и индивидуальным сознанием*, и в нашем уже, казалось бы, полифоническом мире XXI в.: *«В родах корчится старый наш мир./ Но за что наказание мне это:/ Для казахов я - дерзкий кафир./ А для русских - дикарь в эполетах...»* (А. Кодар).

Если в науке произошло понимание того, что в отличие от монолингва свобода лингвокультурного самоопределения творческого билингвального индивида, расширяет его ментальные возможности от бытия-в-мифе до бытия-в-мире³⁰ и субъект становится «гражданином мира», то практика показывает, что антагонизм не утрачивает своей актуальности. Он является неизменным свойством двух диалектически развивающихся процессов: «глобализации» (как идеологической надстройки) и «национализации» (как базисной основы) и определяет драматический и прогрессивный характер деятельности творческой билингвальной личности.

По Ю.М. Лотману, двойственная роль интериоризированного образа «порождает коллизии большой сложности, а порой и отмеченные печатью трагизма»: бытие в «двух домах» требует «компенсации». Спроецированное на деятельность билингва, данное положение позволяет обнаружить, что процесс создания на «чужом» языке «своего» образа вызывает определенные коллизии (инобытие, венаходимость, сознательное безумие). Автору требуются колоссальные усилия по «высвобождению из плена» родного, чтобы заставить слово звучать двуголосом и текст с «чужим» образом стал одновременно «жим» (своим) и «чужим» для носителя русской языковой культуры. Кроме того, необходимо учитывать идеологические надстройки культурной эпохи, усложнявшие речетворческую деятельность двуязычного писателя в XX в. По Ж. Маритену, тоталитарные государства, как, например, режим Сталина и Гитлера, «не изгоняли Гомера» - как наивно декретировал Платон, но пытались его «приручить» (вспомним, хотя бы, запрет на появления произведений О. Сулейменова в центральной печати – на целых 13 лет после выхода «Азия» или «укороченного «Сандро из Чегема» Ф. Искандера и др.).

Огромный интерес представляют писатели, русские по происхождению, но родившиеся вне русской культуры, и создававшие образ окружающей. Их слово также звучит *двуголосом*. И.П. Шухова называют «классиком отечественной (казахской) литературы, выдающимся казахстанским русским писателем». В текстах, высоко оцененных в свое время М. Горьким, «нет ни одной лишней детали, отсутствует описание, ... есть художественное изображение на богатом и чарующе образном (русском) языке. Образ аксакала Чиграя считают лучшим образом казаха в русской классической литературе, образ, символизирующий собой нечто неистребимое и вечное, как сама казахская земля». Отсюда становится понятным сожаление писателей и ученых, ратующих за

---

³⁰ По А. Кодару, казахи – носители языка – эмпирики. Постигание мира им доступно интуитивно, на уровне условных рефлексов: «свой – чужой» и «я прав, потому что я всегда прав». Это «голая ментальная масса, не утруждающая себя даже тем, чтобы обосновать свое право на превосходство, продолжающая свое бытие-в-мифе, добровольно отказываясь от бытия-в-мире, поскольку все неказахское воспринимается ими как что-то чуждое и одиозное, опасное для их локального существования». Казахи-билингвы наиболее приспособлены существовать и в модусах прошлого, и в модусах настоящего и будущего, чье пограничное, медленное состояние помогает им отличить миф от реальности и культивировать только то, что способно к реальной репрезентации. Они предпочитают «бытию-в-мифе» «бытие-в-мире», поскольку по своему образованию и воспитанию принадлежат не к этническому, а к гуманитарному дискурсу. См.: *Кодар А.А. Одиавшая культура: «мустанги» и «пони»// Тамыр. №2(4). 2001. С. 7.*

необходимость изучения произведений, в которых выражается взаимодействие культур и языков. Как и Ш. Мазанаев из Дагестана, ученик И.П. Шухова - писатель из Казахстана С. Санбаев в работе «Творчество, востребованное временем» сетует: «Жаль, что образцы его прозы не представлены в наших школьных учебниках» (2004).

По В.Г. Белинскому, к национально-самобытной литературе относится собрание произведений и писателей, воспроизводящих дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат. Данный вывод заставляет соотносить тексты таких авторов с культурой - объектом. Но вопреки мнению В.Г. Белинского, они также ценны для русской культуры. По меньшей мере, для двух культур богатый материал хранят в себе тексты русских авторов – узбекистанцев, таджикистанцев и др., отражающие «чужой» национальный образ и русские тексты не русских писателей, отражающие «свой». Сравнение текстов этнических русских писателей, работающих внутри «чужой» культуры, и русскоязычных авторов-билингвов, может привести к интересным выводам в области исследований по вариативности русского языка и способствовать выявлению общего.

Глава 4. Лингводидактические проблемы и перспективы изучения русско-национального художественного билингвизма.

В конце XX в. языковые факторы в качестве подсистем, влияющие на формирование государственной системы, наравне с географическими и другими, стали определять развитие более сложной постсоветской макросистемы. Язык как измерение уникальной национальной и этнической идентичности, формирующий и поддерживающий чувство национальной солидарности стал рассматриваться не просто как часть культуры, но как дело политики, экономики и религии. Конкретизация содержательных сторон языковых изменений позволяет посмотреть на них с системных позиций и осмыслить явление русско-национального двуязычия.

Исторически к началу XX в. русский язык как государствообразующий и язык межнационального общения был способен объединить все сопряженные с русской национальные культуры. Идея солидарной заботы о будущем, воплощенная в нем, объединяла в течение XX в. всех перед лицом осязаемой угрозы потери будущего или распада его упорядоченной картины. Она была направлена на продление существования привычного уклада жизни и одновременно была существенно более значимой. С учетом накопленного опыта можно констатировать факт, что альтернативы равноправному существованию двух и более языков в новых условиях нет.

Главное объединяющее значение русской языковой культуры видится в том, что она была способна направить стремление людей к коллективному стилю мышления, идентификации с человеческим сообществом, способствовать росту поликультурного сознания и росту идентичностей. Именно данная языковая культура при всем богатстве культурного разнообразия, хотя и не без ущемления национальных приоритетов, все-таки, способна была посредством диалога со всеми сопряженными с ней культурами приобщить к мировой цивилизации. В

новых условиях она также способна привести к конечной цели развития человечества – глобальному партнерству культур ради мира³¹.

В поиске новой самоидентификации народов коммуникативный билингвизм не может быть заведомо отброшен в угоду «чистоте» той или иной языковой культуры. Двухкомпонентность наций и народностей в языковом отношении – очевидный факт³². Русско-национальный билингвизм и, прежде всего, художественный является ярким доказательством выхода многих народов и этносов на новый уровень культурно-цивилизационного развития. Дву- и полиязычие в мире становится объективной реальностью. Важным и необходимым здесь остается условие постоянного осмысления наработанного капитала и осуществления научного подхода в разработке новых учебно-практических материалов. И здесь, как представляется, важная роль должна отводиться изучению интегрированного текста, обусловленного русско-национальным двуязычием. Такой текст – единое целое, образованное в результате взаимодействия национальной культуры, воплощенной в «преимущественно вербальном и передаваемом через живую цепь поколений» – Степном знании (Кодар), как способе осмысления действительности, и русской культуры – в ее классической литературе – письменной и устной. Такой текст необходим для дальнейшего развития обеих культур. В русском тексте не русского по происхождению писателя прописан образ будущего разных народов, на языке понятном не только отдельно взятому народу, но всему русскоязычному сообществу, а через переводы с русского всему миру³³. Их изучение может реально способствовать осознанию учащимся факта взаимосвязи национального и общечеловеческого. Овладение иной языковой культурой не вредит его национальному, но является доступом к возможности осуществления универсального подхода к миру. Национальное становится не единственным способом человеческого бытия в мире. Обращаясь к своему национальному и «чужому», он и обретает свою универсальную сущность.

При всей неоднозначности ситуации призванные закономерностями эволюции культуры творческие билингвальные личности достигли своих целей и выполнили свои задачи, став «пассонариями» своего этноса, «ходатаем» за свой народ, прежде всего, у народа русского, никогда не забывая о своем происхождении. Решение вопроса о соотносительности писателя с родной или приобретенной языковой культурой остается во власти самой творческой билингвальной личности. Набоков причисляет себя к американским писателям.

³¹ «У русского языка ныне открываются преимущества, которые гарантируют ему будущее за пределами России. ...Русский язык давно участвует в обмене веществ нашей культуры как необходимый элемент. ...Нам ...легче договориться друг с другом: мы значительно быстрее, чем Европа, «найдем общий язык» - в прямом и переносном смысле. В прямом - он у нас есть. Пока есть! Такая перспектива делает русский язык еще более ценным достоянием, которым надо дорожить. Поспешные патриотические определения начала 90-х ...уступят новым – «международный язык культурного и делового сотрудничества». См.: Сулейманов О.О. Нам по дороге// Родина. -М., 2004. Вып.№2. С.21-22.

³² «Двуязычие не разделяет, а сплачивает казахов, одних по принципу избытка, других – по недостатку. По языку казахи – двухкомпонентная нация, в одной части которой преобладает казахский язык, а в другой – русский». См.: Кодар А.А. Истоки Степного Знания (опыт философии казахской истории). –Алматы, 2002. С. 113.

³³ Творчество Ч. Айтматова переведено с русского язык на более, чем 150 языков мира.

Гоголь и Окуджава – к русским, Искандер говорит, что он русский писатель, но певец Абхазии. Их прогрессивная и драматическая деятельность видится, прежде всего, в том, что они способствуют обретению своими читателями нового качества. Их творчество - диалог культур, в котором «переплавляются непродуктивное в продуктивное, ... статика в динамику, традиция в инновацию, переосмысливается старое, и новое в третьих смыслах, происходит формирование уникального особенного, через которое только и возникает новое видение всеобщего»³⁴.

Ярким свидетельством возрождения национальных языков и стремления сохранить русский язык в качестве языка межкультурной коммуникации является деятельность самих творческих билингвальных личностей. Их объединяет убежденность в реальной возможности овладения двумя языками, если они равнодействующие с раннего возраста (Ч. Айтматов, О. Сулейменов, А. Кодар, И. Друцэ, Ю. Рытхэу, Ч. Амираджэби, В. Санги и др.). Их практический опыт является подтверждением справедливости теоретических положений ученых.

По Л.С. Выготскому, изучение нескольких языков является фактором, благоприятствующим психическому развитию ребенка, а их различие способствует лучшему пониманию родного языка. Л.А. Булаховский подчеркивает полезность изучения второго языка, что помогает созданию абстракции и способности освобождения языковой формы от конкретного содержания, которое скрыто за ней в отдельных языках. Об этом говорит опыт Э. Кассирера: «Проникновение в «дух» нового языка всегда порождает впечатление приближения к новому миру – миру со своей собственной интеллектуальной структурой. Это подобно открытию чужой страны, и самое большое приобретение ... - свой собственный язык предстает в новом свете. Соотносительные термины двух языков редко приложимы к одним и тем же предметам и действиям. Они покрывают различные поля, которые, взаимопроникая, создают многоцветную картину и различные перспективы нашего опыта» (1998). По мнению африканского писателя Б. Дадье, язык «представляет собой как бы точку, где в результате слияния двух потоков рождается нечто новое», многоязычие служит делу распространения человеческой мысли, делу взаимопонимания» (1968).

По Л.В. Щербе, «сравнение языков делает человека внимательным к тончайшим нюансам мысли; овладение другим языком - это освобождение мысли от плена слова, знакомство с иной картиной мира». Признавая колоссальное образовательное значение русско-национального двуязычия, он отмечает, что можно «лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие». Как и Л.С. Выготский, отводивший в обучении решающую роль педагогическому воздействию в условиях двуязычия/ многоязычия, Л.В. Щерба убежден, что обучение двум языкам необходимо. «нужно только рационализировать это сравнение, поставить его на научных основаниях, а не представлять его на волю стихий»³⁵.

³⁴ См.: Давыдов А.П. Письма о казахской литературе// Тамыр №2(10), 2003. С. 16-19.

³⁵ «К сожалению, методика эта еще плохо разработана, ... нет ни хороших грамматик, ни русских, ни узбекских. Добавим ...грамматики разных национальностей в пределах Союза

В настоящее время учеными накапливается опыт по сравнительно-сопоставительному описанию языков, описанию русско-национального билингвизма, билингвальному обучению в странах СНГ (Л.В. Екшембаева, Ш.К. Жаркынбекова, Э.Д. Сулейменова, Г.Е. Утебалиева, Н.Ж. Шаймерденова, А.К. Шаяхметова и др. в *Казахстане*; Т.П. Млечко, Е.А. Погорелая и др. – в *Молдове*). Уже на протяжении десяти лет концепция билингвального образования реализуется в процессе преподавания в *Армении* (Б.М. Есаджаян). Конкретные пути ее реализации находят выражение в параллельном обучении двум языкам на двух языках с обеспечением и углубленного изучения европейского/восточного языка.

Очевидно, опыт армянских ученых является оптимальным подходом в билингвальном обучении в новых условиях, поскольку стержнем, на который нанизывается все обучение, является родной язык. Формирование билингвизма, приближающегося к координативному типу, т.е. с доминирующей системой первичного языка, допускающей нарушение нормы и узуса – с сохранением основной языковой системы – вторичного языка, дает возможность для системного овладения обоими. Этот опыт является действенным шагом в осуществлении рационального обучения языковой личности нового формата, хотя и будет подвержен осмыслению согласно практической целесообразности в каждом из новых государств.

Осмыслению логики мышления новой генерации учащихся с позиций специфики глобализирующегося и одновременно «национализирующегося» мира в определенной мере способствует отрицание отживших принципов старой концепции в преподавании языков, опыт которой строился в основном по принципу: русский + национальный язык, что было оправдано в XX в., но является недостаточным в сложившихся условиях. Позиция – русско-национальный билингвизм в СНГ трансформируется в формулу: национальный язык + русский язык + европейский и/или восточный³⁶. В этом свете недопустимым становится игнорирование потенциала, заложенного в *русских* текстах билингвальных авторов, которым свойственно понимание культуры в ее глобальном проявлении, инварианте и национально-специфическом варианте.

Современная лингвистика выдвигает перед исследователем, занимающимся проблемой билингвизма в художественном творчестве, ряд вопросов, требующих осмысления этого феномена не только на уровне анализа явно выраженного языковыми средствами внешнего проявления конкретной культуры, но и на уровне «внутренних форм данного типа языка, которые тесно переплетаются с внутренними формами всей культуры» (Г.П. Мельников) .

(ССР) должны, прежде всего, сбросить с себя иго русской грамматики». См.: *Щерба Л.В.* К вопросу о двуязычии// *Языковая система и речевая деятельность.* –Л., 1974. С. 317.;

Г.П. Мельников в 70-х годах подвергал критике стремление установить в системе тюркских языков аналогичные категории русского языка, ведущее к усложнению и чрезмерной нагрузке теорий данных языков: Тюркское языкознание, по *О. Сулейманову*, являясь младшим детищем индоевропейского, послушно повторило цели методы и ошибки своей родительницы (1975).

³⁶ «В государствах Евразии, еще сохраняющих двуязычие, вырезают повышенные требования: «три-четыре». И русский – обязательно. Казахстан в этом отношении остается лидером». См.: *Сулейманов О.О.* Нам по дороге// *Родина* №2. –М., 2004. С. 21.

В качестве особенностей текстов русскоязычного писателя тюркских этносов, отражающих внутреннюю форму их национальных культур, выступают не только заимствования, авторские ремарки, но и имя автора. Особого подхода требует выражение времени и пространства, на которое следует обращать особое внимание. К примеру, в кочевых языках нет слова *пространство* в западном его понимании. И в этом смысле для кочевника «нет границ, он свободно проникает стены и везде чувствует себя как дома» и вместе с тем для оседлого (любого земледельца) кочевник «всегда является чужим». Принцип оседлой идеологии «дома», «родины», «земли», «места» не работает в кочевой ментальности. Здесь отсутствует диалектическое противопоставление «свое»/«чужое». Кочевник не подвластен оседлому коду, власть которого кончается за границами полиса – города-государства. Кочевничество противостоит оседлости по многим параметрам человеческой жизни: «Если оседлый образ жизни детерминирован принципом «чем новее, тем лучше», то кочевой обратным – «чем древнее, тем истине, надежней, безопасней» (Б. Нуржанов).

Автор-«кочевник» для адекватного выражения особенностей своей языковой культуры прибегает к аналитическим грамматическим формам и синтаксическим конструкциям, «эксплуатирует» синтаксические возможности русского языка, что делает неповторимым стиль его русских текстов.

Анализ интегрированного текста (как художественно воплощенный билингвизм), поставленный на научных основаниях, способен раздвинуть рамки мировидения, расширить «диапазон» учащегося и стать одним из важных объектов исследования идей культурной глобализации на основе сочетания всеобщего, национального и индивидуального опытов. *Изучение данного типа текстов будет способствовать формированию личности «с широким взглядом на мир, гордой за свою национальную литературу, но чуждой великодержавной спеси; влюбленной в родное слово и образы русской литературы, но толерантной к «инаковости» - и не только с уважением, но с эстетическим интересом воспринимающей своеобразие иноязычной культуры и ее образов; любопытной к тому, что не похоже на свое; личности, способной впитывать в себя все богатство духовной культуры человечества»* (Н.Л. Лейдерман). Существование билингвального творческого сознания на протяжении всех этапов развития мировой культуры является свидетельством того, что оно от века к веку продвигало к глобализации мир, структурировавшийся в разные географические и языковые образования - от одной культурно-цивилизационной парадигмы к другой. Би- и полилингвизм как бытие в мире становится неотъемлемым свойством языковой личности, открывающим доступ к следующему уровню культурно-цивилизационного развития.

В *Заключении* подводятся итоги, формулируются основные выводы, определяются перспективы развития основных положений проведенного исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста: Монография. –М.: Изд-во: Триада, 2005. –192 с.
2. Бахтикиреева У.М. Творчество писателя-билингва в би- и полилингвальном образовании (к вопросу о гуманизации и демократизации образования) // Вопросы филологии №1(19), 2005. –С.71-77.
3. Бахтикиреева У.М. Русскоязычный писатель: проблемы художественного билингвизма (с лингво-культурологических позиций) // «Язык и Культура». Научное издание. Серия «Филология». Вып.7. Т.4. ч.1. –Киев, Издательский дом Дмитрия Бурого, 2004. –С.207-214.
4. Бахтикиреева У.М. К вопросу о построении лингвистических основ для изучения речетворческой деятельности писателей-билингвов // Вестник высшей школы «Альма Матер». - №3, 2005. –С.51-55.
5. Бахтикиреева У.М. Бытие в мире. К проблеме двуязычия на постсоветском пространстве // Вестник актуальных прогнозов: Россия. Третье тысячелетие. - №10, 2004. -С.148-149.
6. Бахтикиреева У.М. Русский язык национальных писателей // Язык и культура: Материалы II Межвузовской научной конференции. -М.: Вопросы филологии, 2003 г. -С.62-64.
7. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм в свете лингвистической концепции Г.П.Мельникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Иностранные языки». -№ 1, 2004. – С.89-94.
8. Бахтикиреева У.М. К вопросу о построении теории взаимодействия культур (на примере художественных текстов русскоязычных писателей) // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: Труды международной научной конференции молодых ученых. -Астрахань, Изд-во: Астраханский университет, 2004. -С.12-15.
9. Бахтикиреева У.М., Исаев М.И. Художественный текст писателя-билингва в билингвальном образовании // Вопросы филологии №1(19), 2005. –С.29-33.
10. Бахтикиреева У.М. Значение идей основоположников системной лингвистики для изучения творческой билингвальной личности // Вестник Казахского национального университета имени Аль-Фараби. Серия: Филология. -№3(85), 2005. –Алматы: Изд-во КГУ им. Аль-Фараби. –С.46-50.
11. Бахтикиреева У.М. Особенности художественного текста писателя-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». -№ 1(2), 2004. –С.43-50.
12. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность: о русскоязычном писателе-билингве // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа: Сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции. -Екатеринбург: Изд-во Словесник, 2005. Ч.2. –С.179-187.
13. Бахтикиреева У.М. Фоновая и безэквивалентная лексика в романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» как хранитель коллективного опыта //

- Вопросы современной лингвистики и литературоведения. Рукопись депонир. в ИНИОН РАН №48599 от 22.10.1993. – 5 с.
14. Бахтикиреева У.М. К вопросу о консерватизме тюркских языков // Лингвистические вопросы по русскому языку: Материалы XXIX научной конференции молодых ученых и специалистов ист.-филол. фак-та РУДН. Рукопись депонир. в ИНИОН РАН №48690 от 02.12.1993. – 6с.
15. Бахтикиреева У.М. Художественные функции лексики с национально-культурной семантикой (на материале романа «Буранный полустанок») // Актуальные проблемы теории журналистики, филологии и методики преподавания русского языка как иностранного: Материалы XXX научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов. –М.: Изд-во РУДН, 1995. -С.21-24.
16. Бахтикиреева У.М., Шаклеин В.М. О национально-культурной специфике тюркизмов в произведениях Ч.Айтматова // Итоги и перспективы развития методики: Теория и практика преподавания русского языка и культуры России в иностранной аудитории. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. -М.: Изд-во РУДН, 1995. -С.88
17. Бахтикиреева У.М. Художественный текст писателя-билингва // Теория и практика русистики в мировом контексте», посвященной 30-летию МАПРЯЛ. Симпозиум «Пути и средства повышения мотивации обучения русскому языку как иностранному: Тезисы международной научной конференции. -М.: Изд-во РУДН, 1997. -С.212.
18. Бахтикиреева У.М. Проблемы билингвального образования и воспитания для устойчивого будущего // Непрерывное экологическое образование и воспитание для устойчивого будущего: Сборник научных докладов международной конференции. –Шымкент: Изд-во МЭГА, 1999. Ч.2. -С.3-6.
19. Бахтикиреева У.М. А.С.Пушкин и кочевая Азия // А.С.Пушкин и современность. К 200-летию со дня рождения поэта: Доклады и сообщения международной конференции. -М.: Изд-во РУДН, 1999. Часть 1. -С.100-101.
20. Бахтикиреева У.М. Проблемы изучения художественных текстов в высшей школе // Молодые ученые – науке, технологиям и профессиональному образованию для устойчивого развития. Проблемы и новые решения: Материалы международной конференции. -М.: Изд-во АМИ, 1999. -С. 18-21.
21. Бахтикиреева У.М. О творчестве Чингиза Айтматова // Доклады и выступления Симпозиума ЮНЕСКО «О роли интеллектуала в современном мире» к 70-летию Ч.Айтматова. –Париж: ЮНЕСКО, 1999. -С.47-49.
22. Бахтикиреева У.М. К вопросу о диалоге культур поля и степи (в рамках современной гуманистической литературы писателей Центральной Азии) // Восток – Запад. Диалог культур и цивилизаций: Материалы второй межвузовской научной конференции молодых ученых. -М.: Изд-во РУДН, 2000. -С.80-86.
23. Бахтикиреева У.М. О роли интеллектуала в современном обществе и функции художественного образа в историческом процессе // Научно-популярный журнал «АС-АЛАН». -Люберцы, Моск. обл.: Изд-во «Мир дому твоему». - №3(8), 2002. -С.27-41.

24. Бахтикиреева У.М. О восприятии творчества Чингиза Айтматова // Универсально-типологическое и национально-специфическое в языке и культуре: Материалы всероссийской научно-практической конференции: в 3-х ч., Ч.2. –М.: Изд-во РУДН, 2003. –С.398-404.
25. Бахтикиреева У.М. Мой Олжас // Научно-популярный журнал «АС-АЛАН». - Люберцы, Моск. обл.: Изд-во «Мир дому твоему». - № 1(10), 2003. -С.480-488, 519-520.
26. Бахтикиреева У.М. Национально-маркированные словесные образы в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» // Методические рекомендации: К изучению национально-маркированных словесных образов в художественном тексте. –Щучинск: Изд-во «Лидер – Тур», 2004. -20 с.
27. Бахтикиреева У.М. Проблемы и перспективы би- и полилингвального образования в рамках постсоветской макросистемы // Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства: Труды международной научно-практической конференции. –М.: Изд-во РУДН, 2004. -С.688-698.
28. Бахтикиреева У.М. К проблеме двуязычия на постсоветском пространстве // Языки и транснациональные проблемы: Научные труды I международной конференции. ИЯ РАН, Гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Ин-т исследования и развития лит. процессов в Австрии и в мире (Вена, Австрия). –М.-Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. –С. 368-372.
29. Бахтикиреева У.М. Творчество писателя билингва (к вопросу об интеграции систем филологического образования государств-участников СНГ) // Проблемы и перспективы сотрудничества государств-участников СНГ в формировании единого (общего) образовательного пространства: Труды международной научно-практической конференции. –М.: Изд-во РУДН, 2004. -С.698-703.
30. Бахтикиреева У.М. Влияние русской языковой культуры на младописьменные литературы // Русская словесность в мировом культурном контексте: Материалы международного Конгресса. –М.: Фонд Достоевского, 2004. –С.106-108.
31. Бахтикиреева У.М. О прозе Ч.Айтматова // Материалы XXVII научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов. –М.: Изд-во РУДН, 1992. –С. 8-9.
32. Бахтикиреева У.М. Я казахский бы выучил только за то, что он на латинице?// Проблемы и перспективы воспитания языковой культуры и формирования языковой личности молодого журналиста и филолога евразийского пространства: Труды международной научно-практической конференции. -Алматы: Изд-во Школа XXI века, 2005. –С.168-180.
33. Бахтикиреева У.М. Диалог культур: О художественном билингвизме и художественном тексте национального русскоязычного писателя // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Материалы докладов III международной научной конференции под эгидой МАПРЯЛ: в 3-х ч., ч.1. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2005. –С.235-237.
34. Бахтикиреева У.М. Историко-культурные условия и причины возникновения писателей-билингвов: Россия – Центральная Азия // Альманах «Тамыр». - № 1(15), 2005. –Алматы, 2005. –С.9-18.

Бахтикиреева Улданай МаксUTOвна (Россия)

**Художественный билингвизм
и особенности русского художественного текста писателя-билингва**

Диссертация посвящена теоретическому осмыслению и практическому описанию особенностей русского художественного текста писателя-билингва и творческой личности билингвального автора – представителя казахского и киргизского культур. Оба объекта исследования фокусируют комплекс проблем, а именно: положительный перенос культурного влияния литературы и русского языка; процессы создания художественного образа творческой билингвальной личностью на родном и приобретенном – русском языке. В научный оборот вводятся понятия: *способ описания художественного образа пераичной культуры писателя на языке приобретенной культуры и качества-стимуляторы* художественного текста национального русскоязычного писателя. Решаются проблемы авторского перевода с казахского и киргизского языков на русский язык.

OuldanaI M. Bakhtikireeva (Russia)

**Creative bilingualism
and the works of fiction's peculiarities of bilingual writers**

The thesis is devoted to the Russian text of a national writer who writes in Russian and a creative linguistic personality of bilingual writer – a representative of Kazakh and Kirghiz cultures. The both objects focus complex of problems such as: national mentality and culture experience in interaction; positive transferring of the Russian Literature and Language's culture influence; processes of creation of national image by bilingual writer in two languages: the native and the acquired – the Russian Language. The are two notions in turn of science: *the way of national image' description in an acquired language and attribute-characters of bilingual writer's work of fiction*. The problem of author's translation from Kazakh and Kirghiz into Russian is touched upon in the thesis.

Подписано в печать 5.09.05. Формат 60×84/16.
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 2,5 Заказ 815

Типография Издательства РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

